

Н. А. ДУБРОВСКАЯ

ЗДРАВИА ЖЕЛАЮ!

Кемерово
Кузбассвуиздат
2022

ББК 84Р7-4
Д79

Дубровская Н. А.

Д79 Здрoвия желаю! / Н. А. Дубровская. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2022. – 107 с.

ISBN 978-5-202-01519-9

Книга «Здрoвия желаю!» – добрый, теплый и веселый взгляд на окружающий мир, стремление сделать его чище и радостнее. Героев миниатюр, рассказов отличает умение оптимистично и жизнелюбиво посмотреть на себя со стороны. Это третья книга Надежды Дубровской, предыдущие назывались «Дождались» и «С улыбкой».

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-202-01519-9

© Дубровская Н. А., 2022

© Оформление.

ООО «АИ «Кузбассвузиздат», 2022

С УЛЫБКОЙ ПО ЖИЗНИ

(ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ)

ДАЖЕ ВЕТЕР ЛИСТАЕТ КНИГУ

Мне приснился сон, что кто-то громко крикнул: «Встать! Суд идет!»

И я встала со скамьи подсудимых.

– Итак, слово предоставляется господину прокурору, – произнес судья.

– Доколе? – задал риторический вопрос обвинитель и гневно бросил взгляд в мою сторону, – эти, с позволения сказать, писатели будут заниматься противоправной деятельностью? Я напоминаю, что недавно в нашей стране было приблизительно пятьсот тысяч этих бумагомарателей! И почти совсем не осталось читателей! Подробная статистика, – прокурор обратился к судье, – в этом романе. – И положил ему на стол книгу известного прозаика, в которой подробно описано, откуда взялась эта страшная цифра. – А как вы знаете, уважаемые коллеги и господа, – обратился обвинитель уже к залу, – еще сто лет назад великий Чехов писал: «Нас мало, нас можно пересчитать по пальцам». А сейчас по пальцам можно пересчитать читателей! И поэтому, заканчивая свою обвинительную речь, напоминаю, что в нашей стране введена уголовная ответственность за писательство без соответствующей лицензии – это раз! Введен возрастной ценз, чтоб до пятидесяти лет к бумаге и ручке никто не прикасался, – это два! А желающим вступить в Союз писателей необходимо жить на гонорары от своих «нетленок». Пенсии же и получки отдавать в Союз как ежемесячные взносы! Для особо одаренных графоманов введена смертная казнь. Поэтому я настоятельно требую приговорить Дубровскую Н. А. к пожизненному чтению книг, лишив ее всякой возможности заниматься литературным трудом, и сжечь все ее публикации. А также взять под арест прямо в зале суда. – И, побрякивая наручниками, пошел в мою сторону.

От их кандального звона я резко проснулась. «Приснится же такое», – произнесла в холодном поту и включила компьютер.

Там во весь экран было написано: «Уважаемая Надежда Анатольевна! Вы номинированы на премию «Писатель года».

И снова одним читателем в нашей стране стало меньше.

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

Вы думаете, любви нет? И я так уже стала думать. А как увидела его... Волосы короткие, дыбом стоят, глаза от удивления круглые, штаны по щиколотку, руки – в рисунках кораблей под парусами. Поняла: это он.

Его я всю жизнь ждала из кругосветного плавания. Синеокого своего! Он тоже понял, что приплыл.

«Гавань, – говорит, – ты моя тихая. Я лодочка твоя быстрая. Так вот, – предлагает, – сядем в мою лодочку и пристанем к берегу в твоей тихой гавани и будем покачиваться на волнах семейной жизни всю оставшуюся жизнь».

И пристали мы, и покачиваться начали.

Укачало меня уже через неделю, когда, прибежав пораньше с работы, увидела в квартире (кают-компания, как он называл) уйму народа.

– Кореши мои, вместе ходки делали, – познакомил нас «синеокий».

– Какие ходки? Куда? – спросила я с дрожью в голосе.

– Куда-куда! По морям, по океанам. Куда же еще? – объяснил «капитан». И нервно подмигнул своим «матросам». Те много, видно, плавали и тонули часто, так как без конца по привычке размахивали руками и, будто цепляясь за берег, растопыривали пальцы.

А чуть позже я застала дом открытым вовсе. Только бумажка валялась какая-то посередине комнаты. «Наверное, срочно в море ушел. Второпях квартиру забыл закрыть», – подумала я и, напевая весело: «Ты морячка, я моряк», подняла записочку. В глазах потемнело. Это была справка об освобождении из колонии моего «капитана». «Якорь» я бросила тут же, только «весла» загремели – ни вещей, ни денег дома не было.

Больше в мою гавань корабли не заходили. Разлюбила я море. Купила дачу. Полюбила землю...

А как увидела там его: шляпа, плащ, очки – такой интеллигентный... Поняла: это он. Мечта всей моей жизни.

..Жаль только, что он – это пугало на соседнем огороде!

ФЕМИДА

Бес в ребро саданул Петровича так неожиданно и сладко, что тот потерял аппетит, сон и разум! Все свободное от работы время он взвешивал, сравнивал достоинства и недостатки своих дорогих и любимых женщин.

На одной чаше весов возлежала его драгоценная супруга с кучей достоинств: надежная, верная, хозяйственная.

Недостатки плавно вытекали из достоинств:

Надежная – «потому что я ее последняя надежда».

Верная – «а куда сбежать ей на старости лет?».

Хозяйственная – «домоседка!».

Из дома не вытащишь, все ей некогда: то моет, то варит, то шьет. Скукотища.

На второй чаше сидела, свесивши красивые ножки, его новая пассия: веселая, бесшабашная, озорная! Только достоинства шестого размера чего стоили! При одном взгляде на нее хотелось петь, бежать, лететь вперед, навстречу своей судьбе.

Но куда полетишь, не подумав хорошенько? Крылья-то уже не те...

Вот и сортировал он их, любимых, по косточкам перебирал, по полочкам раскладывал. Боялся, значит, прогадать.

«Но жизнь одна – надо брать от нее все, хоть напоследок», – решил Петрович, раздумывая и прикидывая.

И дружок его еще туда же, третий день зудит:

– Вот видел твою новую подругу, такая развеселая, юморная, заводная! Будешь долго думать – отобью. Сильно она мне в душу запала.

«Сегодня же скажу жене, что ухожу», – решил Василий Петрович.

За ужином после очередной котлетки разинул рот.

– Слушай, Танюша, – начал он издали.

– Нет! Ты меня послушай! – строго перебила Татьяна. – Представляешь, дня три назад встречаю твоего дружка, а он меня спрашивает: «Ты Ваське кто будешь?» – «Жена», – отвечаю. А он: «Первая или вторая? Васька ведь развелся!» – «Да ты

что?» – «Зуб даю». Ну я не растерялась и говорю: «Конечно, вторая, которая красивая и молодая!» И весело ему подмигнула. «Да-да, – согласился твой товарищ. – Василий предупреждал, что ты озорная бабенка. Ух, как глаз горит!»

Борщ, котлеты и сладкий пирожок подкатили к горлу Петровича. Все там запершило, защекотало до слез.

Крылья Василия неожиданно окрепли, приобрели какую-то неземную легкость. Он взмыл прямо к небесам.

Оттуда, с небес, он взглянул на грешную землю и увидел свою жену... в объятиях Коляна!

– Ты что, Васек?! – заорала супруга и сильно хлопнула его по спине...

– Да я, да я... этому гаду, зубы пересчитаю, – заорал Василий, когда душа постепенно вернулась в тело.

Он продолжал злиться и все придумывал козни бывшему другу: «Чтоб на чужих жен не заглядывался, врежу по первое число!»

– Вась, а что ты мне хотел сказать-то? – вспомнила Татьяна.

– Да так, ерунду какую-нибудь. Забыл уже! – И сильно стукнул кулаком по столу.

Чашечка весов, на которой находилась жена, победно зазвенела, упала на пол и разбилась.

– На счастье! – закричали в один голос пострадавшие супруги.

Фемида вздрогнула от их радостного крика. Сняла с глаз беспристрастную повязку, посмотрела удивленно на тех, чью судьбу она решила в очередной раз, и промолвила устало:

– Совет вам да любовь!

Потом натянула ее снова на ясные очи со словами:

– Эх, Вася-Вася, весов на тебя не напасешься.

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Весеннее разнообразие цветов, их окраска и причудливая форма не давала мне покоя несколько лет. И однажды, взяв в руки краски, кисти я решила попробовать отобразить красоту природы на «холсте», а точнее на куске подвернувшегося картона.

Может, это зов предков? Гены свое берут! Говорила же бабушка, что ее двоюродный брат Павел – настоящий художник. Его картина в музеях нашей страны есть!

Попытка не пытка! С размаха, без предварительных эскизов, «написала» большую картину (а что мелочиться?). Назвала ее «Тюльпаны и нарциссы весной».

Как только краска обсохла, побежала и пригласила посмотреть, оценить мое произведение соседку по даче. Поделиться, так сказать, радостью творчества!

Соседка взглянула мельком на картину и тридцать минут расхваливала... вышивку своей дочери бисером!!!

Муж в отличие от соседки внимательно разглядывал мои цветочки. Вертел их так и сяк. Отходил подальше от рисунка и снова приближался, как заправский ценитель искусства. И потом долго, долго хвалил... свои золотые ручки, которые смогли такую чудесную раму к этой картине сделать!

Постепенно с моим художеством ознакомились и другие дачники.

Оказалось, что соседка справа прекрасно вышивает крестиком, слева – гладью. А сосед напротив вяжет изумительные, очень прочные сети для ловли рыбы.

Так что не бывает худа без добра!

Благодаря моему рисунку я узнала, какие чудесные и добрые люди окружают меня!

Узнала и от счастья заплакала.

– Да не расстраивайтесь, Ниночка, – подвел итог дискуссии по моему творчеству художник Николай Юрьевич, заглянув вечером к нам на чашечку чая. – Поют же люди без голоса, говорят, что поют душой! А вы рисуете душой. У каждого свои недостатки... Простите – достоинства.

Успокоил называется.

И пригласил на свою персональную выставку в Дом художника:

– Приходите, оцените...

Я пришла. Одним глазом взглянула на его пейзажи и натюрморты. И долго-долго хвалила... свои «Тюльпаны и нарциссы»:

– Картина несет море позитива, прекрасного настроения, радости от пробуждения природы...

Вдруг неожиданно добавила:

– Рамочка для рисунка замечательная. Крестики на вышивке у соседок аккуратные. Гладь ровная. Бисер мелкий. А выставка Николая Юрьевича – гениальная...

Это пришла весна.

Проснулась совесть.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Два творческих человека, два товарища, звонили друг другу по несколько раз в день и наконец-то решили встретиться.

Жили они в разных городах и давно не виделись.

Первый, хозяин, был поэт. Человек энергичный, вспыльчивый, с властью в конфликте. «Не прощу» часто звучало в его речи.

Второй, гость, любил пофилософствовать, поразмышлять, «углубить и расширить», поэтому был писателем-романистом. Власть защищал любую, даже сталинскую. «Дыма без огня не бывает», – повторял он.

Но это не мешало им дружить искренне и, казалось, вечно...

К встрече оба готовились основательно.

Поэт затарился спиртным и приготовил музыкальную композицию на свои стихи.

Писатель – «наборывал» новый роман, в котором призывал сеять доброе, вечное, умирять свою гордыню – мать всех пороков. Книга больше походила на лекции по истории КПСС с введением в основы православия. Но это мало смущало его. Главное – герой в конце концов уезжает бороться за свои светлые идеалы. А это дорогого стоит.

Романист, купив два билета (сразу в оба конца, с разницей в два дня), с великой радостью отправился в гости, прихватив продукты и овощи со своего огорода. Жил он на даче все лето. Называл ее «мое Непеределкино», так как дел там было делать – не переделать, а пообщаться не с кем.

Желание скорей увидеть друга, послушать его стихи, поделиться своими творческими планами несло его как на крыльях. Он не ехал, а летел!

И, как говорится, принесла его нечистая раньше времени.

Друга дома еще не было. Он бегал в поисках последних штрихов для круглого стола.

От нечего делать знаток человеческих душ присел на скамейку и посмотрел по сторонам. На другом ее краю сидел молодой человек приятной наружности.

Парень, поймав его оценивающий взгляд, предложил:
– Папаша, пиво будешь? Жара-то! Я вижу, ты в гости?
– Да, к другу, – обрадовался романист. – Он у меня Поэт.
Поэт с большой буквы!

И, помедлив, добавил:
– Сергей Васильевич – писатель, к вашим услугам! Затем сделал небольшой глоток из предложенной бутылки.

Парень от изумления выпучил глаза. Конечно, в школе он писателей «проходил». Но чтобы вживую да из одного горла?

Видя такой восторг в глазах молодого человека, подумал, что не налить ему из своей фляжки было верхом неприличия.

– Будем знакомы – Толик!

И так этот Толик с его восторженным взглядом запал ему в душу, что, когда подошел Иван Васильевич, друг-поэт, он после первых слов радости сразу обратился с просьбой:

– Можно, он к тебе пойдет со мной? Толик писателей первый раз видит. Отличный парень вроде.

В жизни Ивана Васильевича поклонников, восхищенных взглядов давно не было, и он, к своему несчастью, согласился.

Втроем они накрыли стол. Анатолий, кстати, сбежал за свой долей в магазин.

– На хвост не падает, солидный человек, – успокоился хозяин.

Жара, правда, была невыносимой, и они по очереди бегали в душ.

И вот после очередного захода Поэт увидел, как его друг, склонившись над столом, сидит один.

– А где поклонник нашего таланта?

– Я его выгнал! Он не достоин твоей презентации. Лавочник несчастный. Спекулянт! Учить меня будет, как романы писать. Сам – два класса, четыре коридора...

– Из душа в душу! – закричал в ответ хозяин. – Он мой гость, я сам решу, кого выгонять! Как мне теперь в глаза людям смотреть? Человек же веру в писателей потеряет. Он нас за богов считал. Думал, мы по земле не ходим, а летаем. Небожители! Он в детстве фотографии артистов и писателей собирал! – выдал главный козырь Иван Васильевич.

– У него нос не дорос до моей книги!

– А как же гордость – мать всех пороков? «Обогрей, пожалей!» – не ты ли призывал? Собирайся и уматывай, пока я тебе остаток мозгов не вышиб, – прохрипел гостеприимный друг.

– Запомни раз и навсегда: «Литература предназначена для того, чтобы люди оставались людьми!» – И громко захлопнул дверь.

– Я же хотел как лучше, один на один насладиться нашим творчеством. А этот ушлепок все испортил.

Правда, о том, что сам его привел, Сергей Васильевич уже забыл.

– Его пожалел... а меня... – плакал он водкиными слезами.

Наутро писатель, поменяв билеты, уехал домой. Там запил с горя, что потерял друга, потом с радости, что наскреб на бутылку, а потом – так.

И пошло: все так да так.

«Перетакивать не будем», – говорила моя бабушка.

Спился, короче, Васильевич.

Поэт тоже захандрил, стихотворения пошли печальные:

*Кукушка кукует в весеннем лесу,
Я ее слезки домой принесу.
Поставлю в стакан, слез добавлю своих.
Помянем любимых и дорогих.*

Но попросить прощения у друга гордость не позволила, потом было уже поздно.

А горечь и обида за все писательское братство разъела желудок. Язва снова открылась и закровоточила.

Что до молодого человека, которого они до и после ни разу не видели, то он окончил курсы писательского мастерства на каком-то сайте, отделение «Литературоведение и критика». Съездил на Всероссийское совещание начинающих, молодых и перспективных литераторов. Победил там. И теперь в критике ему равных нет. Рвет и мечет. Особенно маститых и заслуженных.

«Исписался, спился, выпал из обоймы, заостенел» – это еще самые скромные его эпитеты.

– Что-то недолюбливает он нас? – удивляются многие поэты и писатели.

Только Иван Васильевич и Сергей Васильевич знали истоки этой лютой ненависти.

Но мертвые сраму не имут. Причем оба.

Успокаивает и радует одно, что на небесах они занимаются своим любимым делом: творчеством!

Ведь, как утверждает известный поэт Андрей Пятак,

*Ада нет и Рая нет
В искривлениях эфира.
Там художник и поэт
День восьмой рисуют мира.*

ВАШ ВАРИАНТ

Как снег на голову нам под ноги свалилась роза. Вернее, то, что от нее осталось: ком земли с корнями и несколькими листочками. Этот подарок, оглядываясь на случайных прохожих, мы подобрали. Лелеяли ее, холили, полюбили, как маленький принц полюбил свою гордую и неприступную розу.

Она, оклемавшись от засухи, пережитого стресса, назло всем и на радость нам в конце лета подарила свое чудо-дитя: ароматный, нежный цветок.

Часто, глядя на розу, мы думали о ее судьбе: «Кто она, таинственная незнакомка, случайно свалившаяся почти на нас?»

– Кто же смог выбросить такую красоту? – возмущался муж. – Может, техничка нечаянно с окна уронила? – предположил он. – Или пересадили лучшие веточки, а ее выбросили? Или решили в грунт посадить, пошли за лопатой, а мы тут как тут!

Глядя на него, и я стала гадать.

– Это была, может быть, вредная, злая, колючая роза. Цеплялась за посетителей шипами, мол, и мы «пахали». И к тому же она никогда не распускалась, а шеф любил распушенных, может, сама выбросилась из окна, устав от бесконечной болтовни о СПИДе и птичьим гриппе. Или человек, который безумно любил эту розу, умер, уволился, уехал, и она засохла от горя. Ее вытряхнули из горшка, не поняв, что это была не смерть, а лютаргический сон. Лишь поцелуй нового принца оживит ее.

И вот однажды «новый принц», то есть мой муж, пришел пьяный как свинья. В порыве злости на все и вся схватил многострадальный горшок и вместе с цветком выбросил на асфальт с пятого этажа.

– Кто же такую красоту? – донесся снизу женский голос.

А мужской добавил...

Что вы думаете? Ваши варианты?

ТЕСТ НА БЛАГОНАДЕЖНОСТЬ

Жили мы дружно, весело, но недолго, пока телеведущая не объявила: «Праздничный концерт, посвященный Дню милиции, открыт!»

Мой ухажер вскочил как ошпаренный. И вкратце объяснил, почему мы не должны смотреть этот концерт. Самым приличным словом в его речи с пеной у рта было «мусор».

Туда его самого, поближе к мусоропроводу, я и отправила. Короче, «на выход с вещами»!. И спокойно досмотрела концерт.

Следующий жених тоже был неплохим. Работал, пел песни под гитару, объяснялся в любви. Но, когда ведущая объявила: «Праздничный концерт, посвященный Дню милиции...», его как подменили. Заерзал, запереключал телевизионные каналы. Как шило в одно место воткнули. На милицию вроде не ругался, а концерт смотреть не смотрел и мне мешал.

Эх, грехи твои тяжкие, поняла я все без слов. И досмотрела концерт уже одна.

«На следующий год рисковать не буду», – решила я. Подругу, кума, друга сына приглашу и всех поздравлю с профессиональным праздником – Днем милиции. Заодно и концерт посмотрим...

В гости пришли все перечисленные друзья. И даже больше... Кум привел друга! Теперь праздничный концерт я смотрю... одна!

Потому что служба у моего мужа «и опасна, и трудна». А в такой день – особенно!

ЗДРАВИА ЖЕЛАЮ!

Раньше, в прошлом веке, люди гуляли в свободное от работы время на свежем воздухе. Сейчас гуляют по интернету.

И вот однажды на прогулке, в разделе «Люди в форме желают познакомиться», командир части полковник Петров увидел своего подчиненного – лейтенанта Максима Федорова.

Максим рассказывал о себе, что он, подполковник, умный, храбрый разведчик, герой всех войн и конфликтов, ищет себе красивую, хозяйственную, порядочную девушку.

Прочитав это послание, командир понял, что его терпению пришел конец!

– Мало того, что этот негодник Максим всегда был или подозреваемым, или свидетелем того неожиданно плохого, что случилось в части, – возмущался командир и перечислял его грехи: – Недавно чуть не сорвал весенние учения, вскрыв секретный документ вместо учебного! Вчера вел воспитательную беседу с дембелями так, что те не успевали выпрыгивать в окна, спасаясь бегством. И все это на глазах очередной комиссии! Даже его первая учительница на встрече выпускников, увидев Максима, всплеснула руками: «А, по слухам, вы уже третий раз в тюрьме сидите!»

И теперь этот Казанова еще «хочет познакомиться»! Значит погубить чье-то невинное дитя!

– А форма подполковника не треснет?! – заорал в припадке бешенства командир.

– Только через мой труп! – решил он.

И написал душераздирающее письмо своему подчиненному! В нем полковник подробно описал, как тому повезло, что они встретились: «Я вас так долго ждала, я очень красивая (*«Одни усы чего стоят»*), – усмехнулся командир части)... Умная (*все-таки две академии за плечами*)... Сексуальная (*что есть, то есть*). Хочу вас видеть, слышать, ждать!!!»

Ждать пришлось недолго.

Через минуту полковнику Петрову пришел ответ: «Завтра в 18:00 часов в кафе «Солдатское». Жду. Целую. Твой Максим».

Но не для того сочинял командир послание, чтобы так быстро осчастливить лейтенанта.

Прежде чем встретиться с глазу на глаз со своей любовью, тот должен был с подчиненными переделать кучу накопившихся дел в части. Покрасить забор. Отремонтировать актовЫй зал. Приготовить массу документов к приезду новой комиссии.

А в это время «красавица» в обличье командира части две недели мучила и подавала «ласковую руку надежды» Максиму, который под недоуменные взгляды сослуживцев старался изо всех сил угодить командиру: заслужить долгожданный выходной для поездки в город в кафе.

И вот, час встречи настал.

Страсть достигла своего апогея!

Командир части Петров пригласил к себе в гости... командира батальона и замполита. Торжественно открыл бутылку шампанского и включил компьютер. Показал фото героя всех современных войн, разведчика ГРУ и свою переписку с ним!

Все ахнули и замерли от неожиданно приятного сюрприза (Максим – как заноза глубоко сидел и в их сердцах).

Потом разразился страшный хохот.

Выпив по рюмочке, а может, по две (кто считал), они вступили в переписку с бедным лейтенантом. И, подключив дар убеждения замполита, уговорили его сфотографироваться полуголым.

Что, долго не думая, и сделал Максим.

С обнаженным торсом он получилИся очень brutally.

Не ответить на его просьбу выслать свое фото в лучшем виде они не смогли. Сфотографировались втроем... в парадной форме. И послали снимок в ответ на нетерпеливую просьбу лейтенанта!

...Долго-долго и далеко-далеко посылал он их потом в мечтах своих смелых.

Но, несмотря на шок, Максим уверенности в себе неотразимом не потерял. Вскоре действительно нашел девушку своей мечты и женился!

На ком бы вы думали? Конечно, на дочке командира части.

Очень уж она красивая, вся в папу!

И теперь у командира в рабочем кабинете на столе в рамочке стоит их свадебная фотография. С которой, как иногда кажется тестю-полковнику, подмигивает зять – старший лейтенант со словами: «Здравия желаю! Любимый!»

ХОРОШО ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

Зина сидела одна, ждала мужа.

Было уже поздно, и она в отчаянии переключала телевизионные каналы.

На одном из них прекрасный загорелый юноша на белом коне уговаривал взглянуть на него. Хвастался, что пахнет Багамскими островами. Совращал, короче, Зинку.

А в это время дверь как-то отворилась и в дом ввалился ее пьянехонький муж. С порога, не раздеваясь, он упал во весь рост и захрапел.

– Взгляните на своего мужчину, – усмехнулся красавчик.

– Да глаза бы на этого алкаша не смотрели. Не работа, а сплошные корпоративы да выездные заседания, – вздохнула Зина.

– Взгляните на своего мужчину и на меня, – не успокаивался чужестранец.

– Хорошо-хорошо, – соглашается Зинаида. – Завтра же пойду заграничный паспорт оформлять. Пора уже других посмотреть и себя показать! Жди, я лечу к тебе, мой прекрасный юноша с таинственным запахом.

– А чем пахнет ваш мужчина? – не верит своему счастью обалденный мулат.

И тут ее мужчина, который еще муж, так икнул, что испорченный воздух дошел до Багамских островов.

Красавчик в ужасе пришпорил скакуна и умчался, оставив подругу наедине с воздухом родины.

– Он, наверное, знал нашу поговорку «Муж и жена – одна сатана» и побрезговал мной, – сокрушалась Зина.

Чтобы хоть как-то успокоиться, она стала раздевать мужа: сняла ботинки, куртку.

Вдруг у него из кармана выпал баллончик с туалетной водой, пахнувшей морским бризом и загадочными островами. Облив мужа с головы до ног этой водой, Зинка легла рядом и закрыла глаза...

Мысленно перенеслась с ним на прекрасные пляжи с белым песочком.

Там, под пальмами, наслаждаясь пением райских птиц, она услышала разговор женщин-аборигенок, глаз не сводивших с ее мужа.

- Взгляни, какого красавчика урвала!
- И какой чудесный запах!
- Везет же бабе... А мой целыми днями по всему свету скачет, скачет, скачет... Домой заявится, слезет с коня – дышать нечем! – вздохнула одна из них.
- То-то же! – усмехнулась Зина и крепче обняла своего мужа.

ИНФЕКЦИЯ, ИЛИ СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Поговорить она не любила. И поэтому могла без умолку болтать часами, забегая «на секундочку» к нам в отдел. В других местах ее не переносили или научились бороться, выработав стойкий иммунитет. Лишь мы держались до вчерашнего дня...

– Вот зашла к вам. Ничего для меня новенького? Ну ладно, пойду к себе. А то думаю: «Зайду, может, есть что». Нет? Хорошо, пойду. Как будет, оставите? Оставьте-оставьте. Я зайду. Пошла...

А он-то как идет. «Кто», – говорите? Так снег-то, снег. А я думала: не будет уже. Мне и внучка говорит, что в снежок поиграть хочется, с горки покататься. Она весь вечер вчера у нас была. То ей подай, это принеси, замаешься за вечер. Ну, я пошла, пошла...

Молодежь! Какая избалованная пошла... Ведь как одеваются, а как ведут себя, в наше время такого не было. Ой, что-то я застоялась. Надо пойти. Так я и говорю: не было такого бардака.

Раньше все чисто, красиво было, как у вас здесь. Ой, цветочки какие красивые. Хочу спросить, как вам удастся такую красотищу развести? Конечно, трудно разводить...

Как и разводиться. Вот сыночек бросил жену, а ребеночек чем виноват? Вон она как вчера радовалась снегу. Уже спрашивала: «Когда снег пойдет, бабуля?» Вот он и пошел наконец.

Ну и я пошла. Думаю, спрошу: «Ничего у вас для меня нет?» На нет и суда нет. Ни полочки нет, ни покоя. Как говорится, покой нам только снится... А снится всякая ерунда. Вон сегодня что-то такое приснилось, да забыла. У вас же сонники есть, дайте, пожалуйста, может, вспомню...

Нет, не вспомнила. Память-то стала... Ведь пришла я зачем-то. О чем-то спросить хотела.

Так пойду, у себя вспомню, зайду потом еще. Ну, пошла я.

– Да пошли бы вы уж куда, – не удержалась одна из сотрудниц. – Мы тоже хотели туда пойти, а куда пойдешь по такому снегу-то...

УРОК АРИФМЕТИКИ

Помните, в школе нас учили: «От перемены мест слагаемых сумма не меняется».

А качество жизни, скажу я вам, еще как!

Вот наглядный пример: к нам на дачу приехали веселиться мои подруги и родственницы. Их было десять человек, плюс мы с мужем.

Из одиннадцати женщин трое были замужем: я, сестра и тетка Люся. Разведенных и одиноких – восемь.

Отдохнули на всю катушку!

После праздника что-то защемило в душе. И я снова пересчитала всех приглашенных. Одиноких и разведенных – восемь. И замужних – трое: сестра, тетка и лучшая подруга!

Почувствовали разницу? И я почувствовала.

Но это уже другой урок. Урок жизни называется.

Ничего личного...

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

«Я – красавица! Наконец все убедятся в этом», – радовалась Ниночка, собираясь в новый, только что открывшийся ресторан.

«Друзья умрут от зависти, когда я им наше фото из этого ресторана покажу», – радовался муж.

Нину свою он боготворил, считал писаной красавицей, Василисой Прекрасной.

К сожалению, друзья его оптимизма не разделяли: считали, что она ему не пара. Особенно это бросалось в глаза женам друзей. Но с годами и они смирились с выбором Игоря. «В каждой избушке – свои погремушки», – решили все дружно.

– Нинок, а где мой галстук? – обратился за помощью к жене Игорек.

– А ты куда собрался? – удивилась драгоценная супруга.

– С тобой! – растерялся муж.

– Со мной? А кто тебя туда пустит? Ты что, рекламу не читал? Там же «фейс-контроль»! – И гордо произнесла: – Ресторан называется «Красивые люди». И он только для красивых людей! А ты в зеркало давно смотрелся?

– Мужчина должен быть чуть-чуть покрасивей обезьяны, – парировал Игорек, обалдев от такой наглости.

– Ну тогда тебе в кафе напротив – «В гостях у Обезьяны Ивановны» называется.

– А куда наши дети, по-твоему, пойдут, если везде «фейс-контроль»?

– Петька – в детское кафе «Рыжик-пыжик»!

– А Светка?

– «Светлячок-чувачок», там только белобрысых принимают! – не долго думая, ответила мать дружного до этого случая семейства.

– А как же совместные праздники, посиделки, кинофильмы? – возмутился Игорь Петрович, а сам подумал: «Семья разваливается из-за этого фейса! Уж я бы его об «тейбол»!»

К счастью, Нинку в ресторан не пустили. То ли длина ресниц подвела, то ли губы не того размера или груди... У нее уши до плеч, а надо ноги от ушей...

– Там очень много критериев, – хныкала Ниночка, уткнувшись в волосатое плечо мужа.

– Ничего, ничего, моя красавица, – успокаивал ее супруг. – Мы свое кафе откроем – литературное!

И процитировал слова из стихотворения Заболоцкого:

*Ведь что такое красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

– А как назовем? – заулыбалась счастливая Нина.

– Так и назовем: «Счастливые люди», где одно условие для прохождения – улыбка... – ответил глава семейства.

– Цена улыбки – двести пятьдесят рублей в час, или вход по ключам, – добавила Василиса Прекрасная, которая была еще и Премудрой.

ПРЕДЪЯВИТЕ ПРОЕЗДНОЙ

– Эх, жизнь... Билеты на автобусы дорожают не по дням, а по часам. Кондукторы, контролеры шастают туда-сюда. Без билета проехать практически невозможно. А проездной? Проездной и тот аж пятьдесят рублей стоит, – повествует монотонным голосом соседка.

– А ты что, проездной покупаешь? – бодренько переспросила подружка.

– Как же иначе?

– Как, как! А вот так, – разоткровенничалась та. – Выгляжу я нынешней зимой неважно. То сын болел, то сама. И стала замечать, что две недели ко мне не подходят кондукторы. Сомнения мои рассеялись тогда, когда однажды контролер, кивнув в мою сторону, переспросил: «Пенсионный?» – «Какой еще пенсионный? – хотела я возмутиться. – Я женщина в расцвете сил...» И тут же осеклась. Билета-то у меня не было. «Пенсионный», – кивнула обреченно.

До вечера настроение было скверным. Как говорится, старость не радость. И вдруг меня осенило, что каждый возраст имеет свои плюсы. А на меня благодаря этой собачьей жизни плюс свалился на десять лет раньше.

На следующий день я натянула валенки, вытянула из-под шапки две прядки седеющей шевелюры. Пальтишко и переделывать не пришлось, оно было куплено еще при социализме. До автобуса я смело шагала. А в транспорт уже входила тихонько. Еле переставляла ноги, как будто они скоро подкосятся. Так вошла в роль старушки, что мне и место уже уступают. И вот, слава Богу, уже десять тысяч сэкономила.

Правда, одно беспокоит: скоро лето. Тут не замаскируешься.

Но я на эти вырученные деньги записалась на аэробiku, массаж.

Летом по студенческому ездить буду!!!

ПОРЧА

– Точно сглазили. Все есть: и деньги, и работа, и муж – все блага цивилизации, а тоска гложет. Тоскища. Зеленая.

– Зеленая? – переспросила подруга. – Порча у тебя. Хочешь, адрес дам. Молодая, образованная, насквозь всех видит. Тоску снимет, защиту поставит. И как заново на свет народишься.

– Ой, милая, немного тебе осталось такой жизни. Срочно лечиться надо. Подруги завидуют, подлые, – тараторила ведунья. – Как пойдешь к ним в гости, прямо под порог или под коврик соль или перец подсыпь. Делай это в течение месяца по нечетным числам.

Уже через неделю все подруги от меня отказались. Дверь мне не открывают, в дом не пускают.

– Полегчало?

– Нет.

– Сослуживцы завидуют, – уточнила колдунья. – Мы и их обезвредим. Купи маку, перемешай с мышиним пометом, положи в спичечный коробок и носи с собой за пазухой. А как сядут чай пить, ты им сыпани в чайник вместо заварки. Порчу как рукой снимет.

Сняли... меня с работы.

После всех этих неприятностей улыбаться я стала чаще. Даже без какой-либо причины.

– Вот, вам уже веселей? Улучшение налицо, – не унимается целительница. – Муж остался. Если в нем причина, так я с ним по фотографии поработаю. Наведу порядок в его голове.

Навела быстро. Он собрал вещи и ушел.

Как в воду глядела эта экстрасенша.

Порча развеялась. Тоска отпустила. Сiju одна дома, без мужа, работы, денег. В желудке пусто, а на душе легко. Сил много появилось. Энергия кипит.

Теперь пора на работу устраиваться, замуж выходить, по подругам бегать. Тосковать некогда. Вот что значит вовремя от знающего человека совет получить.

ПЛОДЫ КРУПНОЙ ССОРЫ

После очередной ссоры с мужем, с битьем посуды и взаимными оскорблениями, Нинка долго перебирала в памяти все хорошее и плохое, что было в их семейной жизни и в характере супруга: «Гулящий, но красивый! Жадный, но богатый!»

И она приняла трудное решение: он все равно мне нужен. Нужен как прошлогодний снег!

ОДИН ДОМА

– Как дела, Танюша? – развесил влажные губы Витюшка и уселся за компьютер.

Наконец-то он один дома. Вся семья разбежались кто куда. Жена, естественно, на подработку. На одной пенсии не разгуляешься!

А свою получку Витюша решил больше не отдавать жене. Будет экономить!

– Хватит! Наунижался! Все до копейки отдай, а потом на сигареты выпрашивай!

Правда, что сигареты стоили, как три булки хлеба, его мало волновало. Он придерживался взглядов того мужика из анекдота, у которого дети спрашивают:

– Папа, водка дорожает, ты, наверное, будешь меньше пить?

На что добрый папа отвечает:

– Нет! Это вы меньше жрать будете!

А Витька решил экономить на всем! И, может, даже на самом святом: водке и куреве. Ведь теперь ему есть кого кормить, поить, лелеять – беса в ребре. А попала эта зараза в Витюшку, как вирус в компьютер, через дружбу с очаровательной незнакомкой. Вернее, очаровательной знакомой, которую он не видел лет тридцать! Слово за слово разговорились на «Одноклассниках».

И как нож в сердце:

– Танюшка, это ты?

– Витюшка, это я!

И понеслось: «Где ты? Что ты? С кем ты?»

И Виктор впервые задумался: «А действительно, с кем?» Вроде женат и дети есть. Но, с другой стороны, жена – чужая и дети – чужие. Нинка – вторая жена, от людей. Первую, которая от Бога, бросил давным-давно как ошибку молодости.

«Не своей жизнью живу. Пора о себе подумать», – перебирая клавиши и подбирая слюни, рассуждал Витюшка, читая новые сообщения любимой. Тем более новая пассия оказалась женщиной идеальной: одинокой и очень богатой.

– Почему редко пишешь? – сокрушался влюбленный.

– Потому что открывала магазины да кафе. Работы полно! – жаловалась подружка. – Поставщики замучили. Одной так тяжело! Как говорят, я пятнадцать лет как не замужем.

Любовь разгоралась в душе Витюши все сильнее. Семья, дом – все опостылело, казалось чужим. А недовольство и раздражение росло с каждой минутой. Ничего и никто его не интересовал, кроме сообщений от любимой.

Наконец, раздражение достигло апогея, он напился и всем все высказал:

– Уезжаю! Да пропади вы пропадом. Нищета – нищее...

Давняя любовь встретила его с распростертыми объятиями. Назначила управляющим над всеми магазинами, ресторанами и конюшнями. Купила ему шикарную машину.

Живи и радуйся. Он и радовался, пока однажды не посыпался песок у Витюшки из одного места. Да так сильно, что засыпал все рестораны, конюшни и магазины. Короче, все добро любимой. Любимой – третьей жены. Которая оказалась, не зря предупреждала русская пословица, от черта. Того самого, что поселился в Витькином ребре. Когда-то давным-давно... года два-три назад.

Когда он был счастлив!!!

ОБХОДНОЙ

Народная молва гласит: придешь в гости без звонка – узнаешь, как к тебе относятся друзья и родные.

А пройдешь с обходным листом по родному учреждению – узнаешь, что о тебе думают сотрудники, трудившиеся с тобой не покладая рук добрый десяток лет, а то и больше.

– Галина Петровна, подпишите, пожалуйста, обходной лист, – улыбаясь, обратилась Вера Николаевна к своей уже почти бывшей коллеге. – В сорок пять лет жизнь только начинается! Теперь собой буду заниматься, с мужем путешествовать...

От такой наглости у Петровны пересохло в горле: «Другие должны до пенсии надрываться, а то и до смерти. Пенсия – слезы. А она: «Подпишите обходной». Мол, не нуждаюсь в ваших копейках...»

– Собой заниматься? – заорала Галина Петровна. – А ты не занималась? Всегда только о себе и думала. Всю получку на свою мордень тратила – вон блестит, как медный таз! «С мужем»... Давно ты его так ласково называть стала? Всегда: «свинья» да «как свинья». Путешествовать?.. Это ты любишь!.. На рабочем месте никогда не найдешь: все по чужим отделам путешествуешь!

От неожиданных оскорблений у Веры Николаевны потемнело в глазах. Но она, собрав остатки мужества, попросила не забыть поставить дату на обходном.

– А какое сегодня число? – рявкнула еще вчерашняя подруга, главная утешительница.

– Первое апреля. С Днем смеха тебя, Галя.

Смех, как известно, продлевает жизнь. Коллективу он продлил ее на тридцать минут. А подруги не разговаривали друг с другом целый год. И проживут, наверное, на полчаса меньше.

Не знаю... Увольняюсь. Родных предупредила, вещи собрала. Осталась небольшая формальность: насмелиться обходной подписать!

Ведь жизнь прожить – не поле перейти, а расстаться по-человечески – и тем более.

НОУ-ХАУ

Умеют же люди жить!

Умеют зацепиться! Поймать удачу за хвост.

Прихожу вчера к подруге в гости, а у нее на пороге – трехлитровая банка стоит. Я за нее нечаянно зацепилась и упала. Встала, подняла, а на ней надпись: «Мы люди негордые, помогите кто сколько может».

Вроде шутка шуткой, а банка – полна-полнехонька.

Народу-то к подруге человек по сто в день приходит. Кто в жилетку поплакать, кто давление померить, кто ее стихи послушать, а кто свои песни спеть. Вроде и не работает нигде, одна двоих детей растит, а из-за границ не вылезает. Вот вчера снова путевку в Таиланд на троих купила.

– На какие шиши? – спрашиваю.

– Да на ваши, – отвечает и шифоньер перед моим носом распахивает. Там этих трехлитровых банок – пруд пруди. И все под завязку – рубли, доллары...

«Нашу женщину на одном месте не утолкешь, – любит повторять подруга, – тем более что эта женщина – мать!»

И я уверена, что если она честно на двери напишет: «Вход – рубль, выход – два», все равно двери у нее запираются не будут!

Умеют люди жить! Или дружить? Надо подумать об этом в своей «одиночной» камере.

Всю ночь я думала и додумалась.

На следующее утро на моей двери в квартиру появилось объявление: «Заходите, люди добрые, я – к вашим услугам! Услуга – 1 тыс. руб. в час».

Как вы думаете, народ потянется? Ведь я все умею: стирать, готовить и крестиком вышивать!

НЕПОДКУПНЫЕ

Каждое утро я начинаю с унижительной просьбы:

– Ну еще хоть граммулечку, еще граммик, пожалуйста.

Но они стоят на своем:

– Ваш вес – восемьдесят килограммов сто граммов!

НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ

Порошок «Тайд» – пропуск в мир белых вещей. Купила.

Фарфоровые зубы – пропуск в мир белых людей. Вставила.

А «стройную фигуру» – пожизненный проездной в этот прекрасный мир... потеряла. И так хочется вернуться на праздник жизни во всеоружии.

Но диета, диета... Разгрузочные дни, голодание. Слышать не могу! Всю жизнь борюсь. Борюсь с собственным весом. И битва эта идет с переменным успехом. Когда сажусь на диету на две недели и худею на пять килограммов, то за последующие две недели набираю восемь! Каких только диет не перепробовала, каких поясов для похудения не покупала! А таблетки?! И «электронные», и «царские». Но в ответ пролетарский организм еще берегал килограммов пять на всякий случай.

И так в конце концов за десять лет изнурительной борьбы стала я на двадцать пять килограммов больше. Спротивляться сил не было. Сдалась на милость победителя. А тут как раз кодировать стали от лишнего веса: три ночи дома не ночуешь – и все вредные привычки как рукой...

Одна моя знакомая лет пятнадцать ела все подряд, пила, курила, детей не было. Сходила на три ночных сеанса. И на тебе! Исхудала, не курит, не пьет. Некогда. Ребенка родила.

У меня перед кодированием врач сразу спросил:

– С чем бороться будем?

– Со всем сразу, – решила я.

– А не скучно жить будет? – посочувствовал доктор.

И я, тихо извинившись, мол, подумаю еще, вышла из кабинета.

В коридоре меня уже ждали.

– Ну а китайские таблетки пробовала? Аппетит по утрам и вечерам отбивает! А с ним и килограммы переходят в граммы... Будешь как пушинка, – посоветовала новая знакомая. – С ними не соскучишься! – добавила.

И еще предупредила:

– Только никому не говори, особенно мужу!

– Ну мужу-то точно не скажу, а то как цену этих таблеток узнает... Не переживет. Или получку раза два не отдаст, все само собой рассосется.

– Короче, никому! Иначе эффекта не будет, – напутствовала знахарка.

– Как говорится, вскрытие покажет, – вздохнула я и проглотила первую таблетку...

«Жир тронулся, господа!» – хотелось мне кричать после того, как есть два дня не хотелось совсем.

Так подмывало нарушить обет молчания, поделиться радостью... И я набрала номер родной своей, проверенной долгой дружбой подруги: 81-14-12.

– Ты белены объелась? Брось! Брось немедленно! – кричала она. – Ты слышала? Там же яйца глистов! Будешь как они: худая и длинная.

– Мне же опытный человек посоветовал, – пыталась сопротивляться я.

– Знаю ее опыт! – сказала, словно отрезала, подруга. – Со свету, небось, сжить тебя хочет...

Как в воду глядела. Через полгода на пикнике в честь дня рождения моей кумы застала ее в кустах с моим мужем! Она покушалась на его честь и достоинство. Муж упирался.

– Ненавижу твою жену! – заорала она с отчаянием в голосе.

«За что? – удивилась я. – Наверное, за то, что про таблетки всем рассказала. Вот язык – враг мой!»

«А здоровье – друг», – дошло наконец до меня. Больше никаких диет, лекарств и внушений. Только здоровый образ жизни: бассейн, спортзал, сауна.

Здоровье – главный пропуск в прекрасный мир счастливых людей.

И об этом надо кричать на каждом углу, иначе эффекта не будет!

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

«Место для отдыха выбрали гиблое: рыбы – хоть трусами лови, а киоска рядом нет! – ворчал Валерка, обшаривая все кусты и берег в надежде найти хоть какую-то «заначку». – Ну не может быть, что вчера все выпили! Так хорошо затарились».

Удивлялся он и глубже заглядывал в камыши.

Там, видимо, в кустах, и подцепил в этот раз не леща, а клеща.

Валерка запаниковал, позвонил другу-врачу и спросил прямо в лоб:

– Сколько мне жить осталось?

Тот, не долго думая, отшутился:

– Два раза ногой дрыгнуть!

Валерий в ужасе договорился с нотариусом о встрече и перезвонил жене.

– Прости и прощай, родная. Пять... Пять разиков тебе только изменил...

«Зря, конечно, ляпнул. Язык – враг мой», – полжизни проклинал себя потом Валерка.

Ему, как оказалось, жить было еще да жить!

А уже было не с кем.

Жена-то ушла! Осталось навсегда только прозвище, которое дал ему друг-собутыльник Диман, – Пятиразик.

– Не очкуй, Пятиразик, – ухохатывался он, то поливая клеща маслом, то накидывая на него нитку.

Но вирусоноситель упирался до самого травмпункта, где и был благополучно извлечен. После укола иммуноглобулина Валерка облегченно вздохнул.

– Это надо обмыть...

– Конечно... Считай, на свет народился второй раз, – не унимался шутить Димон. – Ну, вздрогнем! – сказал он и сильно привычным жестом (снизу вверх) махнул рукой. И вздрогнул: на руке болтался уже напившийся клещище!

– Что, к нотариусу, завещание писать? – не удержался Валерик.

– Да пошел ты, – ответил Димон и молниеносно выдернул кровопийцу, который, можно сказать, висел на волоске и бросил на землю.

...Тот, как шарик, подпрыгнул и от всего сердца возмутился: «А на посошок?» Ему впервые в жизни попался человек с такой веселой, пьянящей жидкостью вместо крови!

И тут снова облом! Первый был еще в юности, когда он, молодой, энергичный клещ, самец, выследил на поляне тетку с тако-о-о-о-о-ой попой. Уж и пристроился, и обезболит, пивнул пару глоточков сладкой кровушки, а она, сука, заметила – и в крик: «Спасите, помогите, освободите!» Еле-еле ноги унес. А так жаль... До сих пор зло берет: там еще кусать да кусать! Можно подумать, убыло бы у нее... И тут, надо же, размахался: «Вздрогнем!» Пили бы тихонечко втроем. Ни себе, ни мне», – возмущался кровосос.

И, перекатываясь с боку на бок, пополз в лес.

Жена близко не подпустила его в таком виде к себе. Всю ночь в лесу раздавались дикие крики:

– Кто в доме хозяин? Имею право! Тебе не угодишь!

Можно было даже расслышать пощечины и звуки пролетающих тарелок. (Это в зависимости от остроты вашего слуха.)

Короче, эта встреча произвела неизгладимое впечатление на лесного жителя. Всю оставшуюся жизнь он помнил ее.

И даже своим внукам дед-клещ рассказывал, как однажды он встретил человека, у которого вместо крови был редчайший напиток. Бабка за эту бодягу его чуть из леса не выгнала (это она еще не знала про ту тетку...).

А он до сих пор помнит слово того парня: «Вздрогнем!». И приятная радость разливается по всему его тельцу. Так хочется сказать своей старухе снова: «Ты меня уважаешь?» Но благо-разумие берет верх. Он долго чешет свое плоское брюшко, плюет в «потолок» и мечтает, мечтает.

А мечтать, как говорится, не вредно.

И за то, чтобы наши мечты сбывались, вздрогнем, друзья!

ЛЮБОВЬ НЕ КАРТОШКА

Не было, как говорится, у одной бабы хлопот – купила порося.

Не было у другой бабы хлопот – купила огород, вернее дачу.

Живет эта другая баба поживает, добра наживает. На даче грядки копает. Сорняки пропалывает, морковь, свеклу да картошку выращивает. Помидоры, огурцы в банки закатывает.

Короче, непривязанная, а визжит – к зиме готовится!

Зима долгая. Все муж съест, выпьет да огурчиком закусит.

Муж-то занятой: на заводе вкалывает, рубль длинный зарабатывает. Приветы передает, иногда позванивает...

Ну вот, зима неожиданно в ноябре подкралась: белые мухи зажужжали – пора и честь знать.

Нагрузила добра полную машину да в город, домой, подалась – кормильца потчевать.

Постучала раз шесть в дверь – никто не открывает.

Вставила ключ – не подходит.

Стала людей-соседей на помощь звать.

Они и открыли... правду:

– Уехал муж с молодой женой в отпуск на Мальдивы!

А мне идти и ехать некуда. Сижу вот. У подъезда картошкой торгую, триста пятьдесят рублей ведро: «Покупайте. Не проходите мимо! Дорого? А мне она дешево досталась? Я за нее цельного мужика отдала!»

– Да, любовь не картошка, – вздохнула соседка. – Я тоже дура-баба, очень мужа любила. И стала замечать, что к пятидесяти годам сердечко его барахлит, стала думать, как помочь родному. Из последних денег купила путевку в санаторий. И давай ждать его здоровехонького. До сих пор жду его верой и правдой... Года два-три уже. Наверное, тоже женился. Я так всегда заботилась о нем.

Вот строил муж дом. Ветрище, а он крышу красить надумал. «Слазь», – говорю. Он заулыбался. «Нормалек, Лелек», – отвечает. «Слазь, – говорю, – а то упадешь и краску разольешь! Ветрище-то...»

Он после этих слов упал – ногу сломал, да и сердечко с тех пор забарахлило... Тоже, видно, краску пожалел.

– А я как о своем заботилась! Из всех опасных ситуаций спасала, – поддержала разговор подошедшая покупательница моих овощей и солений. – Вот однажды мужу стало плохо, он побледнел и упал. Я ему под дых пнула и заорала: «Умирать? Да ты еще дом сыну не достроил!» А он уже по тоннелю летел и свет в конце видел... Но как услышал эти слова, сына жалко стало – очнулся! И бежать – дом достраивать. А протянула бы я время, за скорой побежала – конец мужику. Только лет десять уже достраивает дом сыну, а домой глаз не кажет... Любишь их, лелеешь, а они туда же, все нос воротят!

– Не говори, кума, сама удивляюсь, – поддакнула я.

– Ну что ему эти ба...

– Бабы?

– Да нет! Ба...

– Бабки?

– Тьфу ты! Эти бананы на Мальдивах дороже и вкуснее моей картошки с дачи? А?

ЗАКОН БУМЕРАНГА

Жил-был писатель-расписатель.

Расписывал потихонечку о любви, о природе, о себе любимом. И друзья у него тоже были писатели, поэты.

Все строчили свои произведения. Радовались изданию книг. Дарили их друг другу с теплом и любовью на вечную память, с пожеланиями «творческого горения и вдохновения».

От взаимной радости и гордости кружилась голова, как от бокала шампанского.

Кружилась, кружилась, а потом появлялась новая головная боль: куда все это добро девать?

Книги заполнили все шкафы и полки. Свои гениальные произведения некуда ставить!

«Сдать бы все в макулатуру или передарить кому? Но нельзя, все книги с автографами», – размышлял и прикидывал наш горе-писатель.

И тут его взгляд упал на произведение великого Грибоедова «Горе от ума»

– Уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь! – услышал он, как шепнул ему Фамусов.

– А-а, – с восторгом произнес наш герой, похлопав себя по голове, – недаром они, классики, дают ответы на все волнующие вопросы!

И быстренько сгреб в рюкзак все книги с полок, подчистил уголки и отдельно стоящие кучки.

– Сегодня на даче разведу кострище, – похохатывал он и, весело напевая песню из пионерского детства: «Взвейтесь кострами, синие ночи», рванул на «фазенду».

Там его давно уже ждала жена, увидев за его плечами огромный рюкзак удивилась:

– Что ты из дома притащил?

А увидев книги, обрадовалась:

– Давно пора! Все позахламил.

И вечером, уютно устроившись у камина, они провели самую оригинальную литературную вечеринку: по очереди бросали

книги в огонь, а потом произведения каждого автора и его самого обсуждали.

– Эх, зараза, как пылает. Конечно... не пьет, а лечится!

Или:

– Соловушка ты наша! Все про любовь да про любовь? А в зеркале давно себя видела?

Раскрывая очередной шедевр, представитель Святой инквизиции возмущался:

– Куда ты их строчишь? Небось, в Союз писателей метишь? А то там без тебя скучно... Скоморох несчастный.

– И туда же его до кучи – в огонь, – подсказывала жена.

– А это еще что за птица высокого полета? Немолодой, но подающий надежды. Тьфу! Все слюни да сопли.

– Баба какая-то за него пишет, – поддакнула супруга, а по совместительству – домашний литературный критик.

– Хорошо пошел. И далеко пойдет, если не остановить, – подбрасывая дров в камин, ухохатывались оба.

Время было уже за полночь, когда супруги с чувством выполненного долга легли спать.

– Целых три полки освободил, – радовался служитель муз.

И эта радость придавала ему творческих сил. «Есть куда свои произведения поставить», – засыпая и счастливо улыбаясь, думал он.

Но тут жена подскочила и сонным голосом, в котором чувствовалась чуть-чуть теплящаяся надежда, спросила:

– А книги своих друзей с автографами, надеюсь, не привез? Они отдельно, в сторонке, стопочкой лежали? Я туда деньги складывала на поездку в Европу да на новую твою книгу копила...

– Отдельно? Стопочкой? – спросонья переспросил муж.

И это были последние его слова, сказанные хорошим литературным языком и на свободе.

ДЮЙМОВОЧКА

Законы диалектики еще никто не отменял. И один из них гласит: «Количество переходит в качество».

И в этом качестве я не могу пролезть ни в какие двери, не то что в приличное платье!

Пора заняться собой!

Праздник на носу!!!

– Так, чем займемся? Фитнесом, аэробикой, ходьбой с палочками или в паробочку сразу? – обрадовалась подруга.

Ей-то хоть с парашютом – все едино. На нее никакие законы не действуют. Или действуют, но как-то своеобразно: не ест, не пьет, а носится везде как угорелая.

Видно, правда, солнцеед, то есть от солнца подпитывается...

Я даже знаю, как это солнышко зовут: Сере-жа!

– Ну нет! Эти виды спорта не для меня, – заупрямилась я. – Что-нибудь полегче... Пойдем вон до вещевого рынка сходим, прогуляемся.

– Пойдем! Увидишь, до какого безобразия ты докатилась, может, решишься на что, – согласилась Нинель.

– Ой, девочки, заходите к нам в отдел. Мы недавно открылись. Живем на колесах, здесь только проездом из Турции в Китай. Из Китая в Турцию. Пока есть весь модельный ряд. А на вашу фигуру, – махнула в мою сторону продавщица, – все фасоны и размеры! Вы такая ладненькая, пропорциональненькая, нигде ничего не весит. Все на своих местах: грудь – вперед, попа – назад... Вот эта модель стройнит. Эта – улучшает цвет лица. Эта – дарит утром надежду на чудесный вечер, а может быть, и ночь. Цветное скрадывает все недостатки и выдает их за достоинство, – тараторила она. – А особенно хорошо то, что на подруге вашей все это будет как на колу болтаться! Только вы с вашей фигурой всегда найдете у нас вещь, достойную вас.

– А я думала, что я толстая стала.

– Ну что вы! Вы просто заметная, – рассмеялась продавщица. – Заходите, радуйте нас своими формами!

– Зайду-зайду, – пообещала я. – Надо не забыть только, как ваш бутик называется.

– «Дюймовочка!» – ответила та.

– Дюймовочка! – гордо произнесла я и, довольная, взглянула на подружку. – А то вас послушать: «Толстая», «несуразная», «бочкообразная»...

– Ты вывеску-то получше почитай, – усмехнулась Нинок.

– Дюй-мо-воч-ка, – по слогам читала я и, дочитав до конца, обмлела: размеры от шестидесятого до семьдесят второго!!!

– Да у кого же так убыло, чтобы так у меня прибыло, – причитала я всю дорогу в тренажерный зал, проклиная все законы физики и диалектики, вместе взятые.

ДЕТИ-ЙЕТИ

Йети поселились в шестидесяти километрах от города Таштагола Кемеровской области...

В огромной пещере было полно запасов на долгую зиму. Все лето мать и дочь потихоньку ночами обирали близлежащие деревни: где стог сена на подстилку перетаскают, где картошку в огороде выдерут. Все бы ничего, привыкли обходиться малым, поэтому и смогли выжить в наших человеческих условиях. Но пришло время любить. Звериный инстинкт и человеческая душа пели в унисон: позарез нужен был мужик для продолжения рода. А где его взять в три часа ночи?

И они пошли в придорожное кафе недалеко от пещеры, которое работало круглосуточно.

Там к этому времени уже все девушки казались привлекательными.

– А вон те, в шубках, ничего, – промычал один из друзей, изрядно выпивших.

– Пойдем развеемся, – поддержал друг.

И оба упали прямо в лапы красавицам. Те, нежно прикрыв драгоценную ношу своей шерстью, понесли их в пещеру.

В глубине ее темных лабиринтов состоялся контакт с иной цивилизацией. Навеселившись и наигравшись, мама с дочкой уснули.

Прежде, правда, прибрались по хозяйству: выбросили в близлежащую канаву своих ухажеров!

Утром парни долго удивлялись, сплевывая шерсть. Где это они? Что с ними случилось? И, не найдя вразумительного ответа, заторопились в свой лагерь.

Экспедиция по поиску снежного человека, в которую входили студенты, была уже вся в сборе. Не хватало только их. Но и они, косматые, помятые, все в рыжих волосах, вскоре подошли.

Руководитель, увидев опоздавших, всплеснул руками: «Йети? И ее мать?!»

...И он как никогда был близок к истине и заветному миллиону, который обещал губернатор за поимку лохматых чудовищ!

АРТИСТКА

Сбылась моя мечта: вчера пригласили сниматься в кино.

Режиссер так и сказал:

– Мне нужна артистка – ваша морда очень подходящая. Завтра за вами заедем в десять часов на машине. Очень уж эта роль вам подходит. И я верю, что вы с ней прекрасно справитесь.

– А что делать-то нужно? – переспросила я.

– Все завтра, завтра... – пообещал режиссер.

Всю ночь глаз сомкнуть не смогла... Думала: «Может быть, стихи-рассказы почитать пригласили? Я же в школьной и студенческой самодеятельности участвовала!»

Душа захлебнулась от радостных предчувствий: «Сцена! Улыбки слушателей, благодарные аплодисменты... Цветы. Поклонники!!!»

– Надо вам, – услышала я на следующий день, – изобразить женщину, у которой на рынке украли документы, деньги. Она плачет в камеру. Размазывает помаду, сопли по своей рыжей физиономии, благо вам и гримироваться не надо! Можно даже в грязь упасть. Все равно твою дубленку, Ленка, можно хоть сейчас выбросить, – разрешил режиссер, а вернее режиссерша, моя близкая подруга Танька.

– А вдруг меня коллеги увидят в этой луже?

– Да нашу передачу никто не смотрит, успокойся, – огрызнулась подруженция.

Я успокоилась.

И не заметила, как по дороге домой украли документы: годовой отчет и другие важные для нашей фирмы бумажки. Откуда меня и уволили с треском.

Пришлось согласиться на предложение подруги: строить рожи в ее шоу, презентациях, а главное, в телепередаче «Держи карман шире».

И вот долгожданный успех – подругу в Союз кинематографистов пригласили, премию отвалили. Сидим сейчас обмываем, радуемся. Ведь и я неплохо устроилась: ампула старушки-растяпы прочно закрепилось за мной. Люди на улице узнавать стали! Жалеют. Спасибо великой силе искусства, подают кто сколько может. Одним словом, не бедствую, чего и вам, режиссерам нашей жизни, желаю!

ГОЛУБАЯ КРОВЬ

Третий год бежит вода с потолка. После каждого дождя. На мои бесконечные жалобы в РЭУ отвечают: «Не графья – переживете!»

А откуда вы знаете мое происхождение, когда я сама его не знаю? Все может быть. Вон подруга моя дворянкой оказалась!

Как родные написали, что дед ее граф был, сослуживцы все с ума посходили. Работать никому, видно, не охота. А почивать на лаврах предков – всегда пожалуйста!

Одна взялась голодом себя морить да размер щиколотки каждый день измерять. Говорит, что это основной признак голубой крови.

– Хочу все сразу! Здесь и сейчас! Лечь спать в чем мать родила, проснуться богатой, а встать и вовсе принцессой, – кричала другая претендентка на престол.

Ну а как в газете расценки опубликовали, сколько стоит титул графа, князя или, на худой конец, барона...

– Все продам, а титул куплю, – твердо решила третья.

– И будешь потом как наши родственники, – вздохнула техничка Сима.

– Это как?

– Поменяли большой кирпичный дом в городе на маленький деревянный в селе. Потом маленький домик в селе – на большой сарай в другом населенном пункте. На доплату приобрели компьютер, печать директора фирмы. Открыли свой офис «Помогу стать богатым». И милости просим, люди добрые! Только, когда к ним поедете, не забудьте прихватить с собой теплые вещи, а то в офисе такой холодище... И чайку... Короче, так этим «господам» жрать хочется, что переночевать негде.

Или пишите на сайт... точка, точка собакой – у-у-ау!..

– Минуточку внимания, – прервал прения о сытой и богатой жизни директор, приехавший с совещания.

– В связи с федеральной программой наше учреждение попало под сокращение и через год ликвидируется. Все свободны, товарищи. – И, кивнув в нашу сторону, добавил: – Дерзайте, дворяне!

ГЛАВНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Я нарушила главную женскую заповедь, и Бог тут же меня наказал.

Ведь главная женская заповедь гласит: «Всю правду мужу не говори, все тело не показывай».

А я вывернула жизнь наизнанку перед ним: где, когда и сколько...

Он теперь все знает.

Знает, сколько эта кофточка стоит и в каком магазине я ее брала.

Знает, какая у меня полочка. И о каждом ее страшном повышении – в сто сорок семь рублей сорок пять копеек – ему докладывала. «Сегодня нам премию выписали, аж сто рублей. Гуляем, милый!» – отчитывалась я после награждения к празднику.

И когда в очередной раз доложила, что пойду платить кредит за своего оболтуса (семь тысяч пятьдесят восемь рублей сорок семь копеек), муж озверел! Набил морду пасынку, плюнул в мою сторону и скрылся навсегда.

– Да ты что? – удивились моей наивности подруги. – Мужу? Всю правду? Да не в жизнь!

– Вон я, например, семь лет замужем. А он в глаза моего папорта не видел, – смеется знакомая вахтерша. – И лет не знает сколько мне. «Тебе, – говорит, – Катя, на пенсию, наверное, скоро?» – «Какая пенсия? Мне еще пятьдесят два года», – отвечаю. Сама же три года пенсионерка! И все сыну несю. Все сыну. А ты... Семь тысяч, кредит! Да мой бы не только поколотил, а сам бы от злости лопнул! Или убил бы меня с сынком за компанию. А так... Я бедная дежурная в общежитии, полторы тысячи получаю. Терплю здесь хамство, неудобство. Домой приду – муж жалеет, денежки дает, поит, кормит. В семье тишь, гладь да божья благодать!

– Да сейчас мужа не обмануть – себя не уважать! – в сердцах выкрикнула очередная подруга.

– Кругом скидки да распродажи, – поддакнула другая.

Выслушав всех и учитывая свой горький опыт, поняла окончательно, что простота действительно хуже воровства. А наша, женская, особенно. Теперь если познакомлюсь с кем, хитрее, изворотливее буду.

Поживу для себя за их счет! Но, глянув в зеркало, добавила, вздохнув: «А если не получится, то я буду пенсию скоро получать. Аж пятнадцать тысяч сто восемьдесят рублей двадцать пять копеек. Говорят, это по нынешним временам большие деньги... Заживем, дорогой! Где наша не пропадала?!»

АУ, ДЕВЧОНКИ!

Муж пришел с новой работы голодный как собака: в организации, куда он вчера устроился, все придерживались здорового образа жизни – в обед только пили кофе и курили!

Поэтому шмат сала, приготовленный к чаю, не полез ему в горло.

– Ну, давай, жена, мечи все, что есть в печи! – с порога крикнул он и уселся за обеденный стол.

– А я тебе не обслуживающий персонал, – гордо выдавила из себя я. – И не обязана тебя кормить, поить, стирать. Для этого у людей домработницы есть! Я, между прочим, женщина! А женщина предназначена для чего-то другого! – И многозначительно взглянула на мужа...

Тот с выпученными от бешенства глазами, в которых читалось: «Дай хоть за шейку», замер перед прыжком.

– Валька, ты что, с ума сошла на старости лет? – еле-еле сдерживая себя, заорал он.

– Наоборот, только жить начинаю! – закричала я в ответ.

– Жить начинаешь? А жить тебе осталось наср... – не успокаивался благоверный. – Жить начинает! Кому ты нужна, старая вешалка? И где это только наслушалась? Сама бы не додумалась. Подружки, небось, подсказали?

– Да где им? Сами такие же замордованные. Слава богу, молодежь просветила. Их дочки, дети уже знают, как вести себя в семье. Такую лекцию сегодня на даче прочли: «О роли женщины в современной семье» – до сих пор плачу... Всю жизнь на двух работах работала, на третьей подрабатывала. На огороде пахала, на даче сеяла. Борщи ведрами, котлеты кастрюлями готовила. И все это – неженское дело! Так, значит, я и не женщина! А кто? И тут до меня дошло: если не женщина, то я – мужик!

Короче, Валентин Анатольевич к вашим услугам: работающий пенсионер, садовод, автолюбитель (не пью, не манит).

«Старая вешалка»... Зато как мужчине мне цены нет!

Девчонки, бабоньки, ау! «Жарьте цыпочек».

И просьба: не умеющих стирать, пахать, а главное, готовить – не беспокоиться!

Так как мы, мужики, очень пожрать любим!

В общем, что есть в печи – на стол мечи!

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

(ЖИЗНЕННЫЕ РАССКАЗЫ)

ГРИБНОЙ СЕЗОН

Манна небесная в виде грибного дождя накрыла нас в одночасье. Она разделила деревню на враждующие семейные кланы. Стоимость подберезовика, цена которому пять рублей ведро, вдруг выросла до пятидесяти рублей за килограмм!

Жители пялили глаза на объявление, повешенное на деревенской конторе, и, как говорится, глазам своим не верили.

– Не может быть, – говорили все, уговаривая друг друга.

– Не может быть!

А многие уже сами бежали в лес, подсчитывая будущие барыши.

– Сколько денег пропало, – сокрушались все, – сколько добра перевели! Да где же эти заготовители были раньше?

А что раньше? Тогда, вернее еще вчера, грибов хватало всем, благо их нынче целая прорва. Потихоньку жители ходили за грибочками, мило улыбаясь друг другу при встрече. Отдыхали, наслаждались природой и чудным урожаем.

Мир и покой в сердце грибника рухнули после увиденной цены.

Все кинулись в лес. Семьями, с сумками, с рюкзаками. Лес шумел, как развороченный улей. Грибы хватали друг у друга из-под носа, рискуя отрезать пальцы, матеря почему зря конкурентов.

«Три ведра, три ведра, – бурчала я сама себе под нос. – Пятнадцать килограммов на пятьдесят рублей равняется семистам пятидесяти рублям за два часа!»

– Картошку надо копать, – напоминает отец.

– Какая картошка? Семьсот пятьдесят рублей! Еще три часа – еще семьсот пятьдесят рублей! Еще, еще...

Ажиотаж вокруг лесного лакомства возрастал. Ненависть поселилась в лесу. Конкуренция и злоба.

Один только дед невозмутимо произносил:

– Не может быть! Я полгода картошку выращиваю, поляю ее, копаю, а мне за нее двадцать рублей за ведро не дают. А тут пятьдесят рублей за килограмм! Вы что, их садили, растили?

Прогорите вы с этими грибами! Был у меня знакомый заготовитель, – продолжал дед, – ехал как-то пьяненький, да и потерял шерсть, что по деревням напринимал. Жена и дочь бьют его, а он приговаривает: «Не переживайте, кантарик поможет...» (Кантарь – весы такие). Мол, смухлюю, выкручусь.

Как в воду глядел дедок.

Через сутки в объявлении было добавлено: «Пятьдесят рублей за килограмм. Сухих». А сырые вообще не принимают!

Заготовитель уже успел выдать несколько сотен подотчетных денег и рвал на себе волосы.

Только дед успокаивал его тихонечко: «Кантарик поможет, кантарик поможет...»

СКАЗКИ ЗНАХАРКИ БАБЫ МАНИ

«Ангелы – хранители, души и тела спасители, пошлите мне, рабе божией Надежде, сна тихого, безмятежного», – шепчу я каждый вечер прежде чем, отдать свою душу в руки Бога.

Этой и другим молитвам, заговорам и сказкам научила меня моя светлая, добрая бабушка – Мария Андреевна Дубровская.

Для нее я, рыжая, конопатая девчонка, всегда была красавица: «Ишь какая уродилась, вся в прабабку: волосики желтенькие, как солнышко. Правда, люди говорят, что лучше батюшки с матушкой нет мастера!» Ласково гладила меня по жиденьким волосенкам и рассказывала какую-нибудь сказку: про Пыхтелку, которая жила у нас в погребе и не давала брать овощи. Или про ленивую бабушку и внучку, которые не хотели садить картошку, надеялись, что бабушка умрет, а внучка замуж выйдет! Но мечты их не сбылись. И уже в феврале голодные спрашивали друг у друга: «Не пора ли садить картошку?»

Знала бабуля этих сказочек очень много и всегда к месту рассказывала. Например, видит, что мы с сестрой играть на улице собрались, а в доме порядок не навели. Она как бы невзначай начинает: «Приехал как-то молодой красивый купец в деревню да объявил, что меняет пыль и мусор на сливы. Сбежались девушки со всех концов села. Кто мешок, кто два мусора в доме насобирали. Получили сливы, едят и радуются. Только одна девушка плачет, нет, говорит, у нее пыли, вот, только горсточка... «А на тебе, красавица, я женюсь!» – отвечает ей купец. И бабуля хитренько поглядывает в нашу сторону.

Несмотря на тяжелую судьбу, характерную для людей ее поколения, гибель мужа в сорок первом году под Москвой, тяжелую вдовью долю с четырьмя сыновьями, сумела она сохранить силу духа, веселый нрав и желание помочь человеку, попавшему в беду.

От свекровки, Василисы Ивановны, научилась лечить людей травами, заговорами. Готовила пластырь от воспалений. Умела спастись от рожи, грыжи и других «ветрено опасных» болезней.

Со всей округи тянулись к ней люди за помощью и надеждой. И уважительно называли Знахаркой.

«Гром грянет, лес вянет, камень колит, дума воет», – нашептывала бабуля заговор от тоски подружке, которая получила похоронку на мужа.

Потом гадала на бобах: «Да жив он, жив! И ты одна у него в голове и сердце! Беги в церковь, ставь свечку за здоровье».

И, правда, вернулся с войны мой будущий дед – Александр Федорович Орлов, раненый, но живой!

На свое здоровье баба Маня никогда не жаловалась, таблетки не пила. «О болезнях ни слова!» – любила она повторять.

Радостью, любовью всегда веяло от ее взглядов, обращенных к нам.

Как от лепета моих внучек-двойняшек:

– Бабушка, ты не бабушка, а большая девочка! Расскажи, пожалуйста, сказку.

– Я вам лучше стихотворение прочту про одну девочку, которая себе волосики сильно подравняла:

*В детстве далеко, где звезды огромные и манящие,
Решила увидеть себя взрослой и настоящей....
Подстригла чуть-чуть челочку до затылочка, до заколочки.
И стою почти бритая, слезами и соплями умытая,
Но – красавица...*

Не дочитав, мы начинаем хохотать, а потом украшать лысую головку Машеньки цветными резиночками...

Сказка продолжается!

ЛЮБКА

Любка была бесстыжей с детства. Еще в восьмом классе любила среди компании мужиков оголиться и крутить чуть прикрытым задом и рыжей вечно не то косматой, не то кудрявой от природы головой.

Однажды она исчезла из деревни. Исчезла надолго. Родители искали дочку. И нашли-таки, но не одну, а с внуком, которого и получили на воспитание. Мать еще два года ела и пила казенную похлебку.

Вернувшись из дальних краев, где она все повидала, везде побывала, Любка по-мужицки ругалась, смачно сплевывая без конца набегавшую от курева слюну.

Парнишка же рос на редкость послушным, трудолюбивым человечком. Из детства сразу шагнул во взрослую жизнь, полную забот, – нужно было растить многочисленных своих братьев, так как из всех мытарств Любка вынесла одно: надо поправлять демографическую ситуацию в стране. А заодно порадовать оставшихся в деревне неженатых, разведенных и прочих обойденных женской лаской мужиков и парней, родив им по сыну!

Дети были как две капли воды похожи на Любкиных родителей. Они не выдавали отцов своих случайных. Их раскрывала сама Любка. Как только начинал округляться живот, она торжественно, громко объявляла: «Рожаю!»

Все бабы, а она работала дояркой, затаив дыхание, ждали. Немой вопрос в глазах и жуткая тишина правили бал. Это был звездный час, вернее, минутка Любкина.

– От Миронова! – наконец объявляла она.

– От Миронова, слава тебе господи, – бабы хором запричитали. – Может, хоть отцу когда хлеба купит, воды принесет.

Отец-то как-то летом прыгнул в речку, сломал себе позвоночник и еле-еле передвигался на коляске.

– Рожаю! От Смирнова-младшего! – провозгласила Любка года через два, когда Мишка разошелся с женой и неприкаянный болтался по деревне. Какой-то тоскливой ночью забрел, видно,

на огонек к сердобольной односельчанке, которая щедро рассчиталась с ним. Сына назвала Михаилом.

Удивляла она односельчан не раз и не два. Но никто не называл ее ругательно, грязно, как бывало в девках. Может, оттого, что с женатыми она не связывалась, может, оттого, что детей своих любила неистово.

Когда в очередной раз она произнесла свое заклинание, товарки насторожились. Годы беспросветной работы, беспутной жизни изрядно потрепали их кумира. Вечно все про всех зная, они терялись в догадках.

Впервые Любка шепотом, а не торжественно-громко, произнесла: «Ро-жа-ю», выждала свою минутку и назвала имя красивого молодого парня, который не нашел себя в городе и вернулся в родное село, опустевшее за последние годы.

Немое молчание прервал чей-то возглас удивления:

– Ух ты! Врешь!

– От Саньки, – повторила она и гордо понесла свою драгоценную ношу.

Дочь назвала Любовью!

ДОЖДАЛИСЬ

Вся деревня ждала. Ждала: ну когда же он ее начнет бить? Когда?

Вот и год прошел, и другой, как вернулся Ленкин муж из мест не столь отдаленных.

Попал туда из-за гордыни своей непомерной. Вернулся при- тихшим, но полным энтузиазма, взявшись благоустроить свое гнездышко. Вопросов «Как ты меня ждала?», «Как честь муж- ную берегла?» не задавал. Себя, видно, берег. Или не спешил порадовать сельчан, оттягивая удовольствие. А побить хотелось давно...

Ведь два последних года, пока он отсиживал, куролесила Ленка с молодыми парнями, желая наверстать упущенное да на будущее прихватить. Знала: если не прибьет, то веселые деньки закончатся раз и навсегда. Как в воду глядела: батрачила на него с утра до ночи. Угождала как могла. Но от мужа доставались ей лишь упреки и вечно недовольный взгляд. Работы было непоча- тый край: то хозяйство разводили, то сад садили, то дом взялись перестраивать.

Вот со строящегося дома Ленка и свалилась нечаянно. Дол- го лежала в больнице. И всем приходившим рассказывала, как она, неловко повернувшись, плюхнулась – и об угол. Только чем больше она рассказывала-доказывала, что сама упала, что муж здесь ни с какого бока, тем сильнее согласно кивали односель- чане. И, сделав вывод: «Побил наконец!», деревня успокоилась. От сердца отлегло у всех.

– Ну, все по-человечески, как у людей... А то об угол... Сама... Чего только жена не придумает, чтобы честь мужнюю сберечь.

ЛЯМУР

Подкидышу не повезло с самого раннего детства: мама от него отказалась сразу, как только у нее отняли других котят. Сделала она это демонстративно: громко мяукнула, махнула резко хвостом, мол, подавитесь, и ушла из дома.

Два дня ее не было.

Вернувшись, Муська больше не подходила к котенку, злобно на него фыркала и при любой возможности била лапой по его слепой мордашке.

Хозяева решили сами выкормить сиротинку. Купили соску, молоко, как-то приспособились, и понемногу жизнь стала налаживаться.

Но пришла беда – открывай ворота!

У дочки Настеньки оказалась страшная аллергия на шерсть котенка.

Как только она брала его в руки, они до локтя покрывались красными пятнами, которые нещадно чесались.

– Надо его куда-то пристроить, – сказала мама Насти, скосив глаза на лежавшую на полу соринку.

– Топить уже поздно, – ответил отец семейства, – поймав ее взгляд. Может, в деревню увезем к бабе Мане?

И, недолго думая, они собрались в путь.

Приехав, без обиняков и долгих разговоров выставили корзину с неожиданным подарком.

– Да куда мне его? – охнула тетка. – Своих девать некуда.

– Тетя Маня, ну пожалуйста! – состроив жалобные лица, упрашивали племяши. – Не хотим греха на душу брать....

– А мне, значит, до кучи? – вздохнула тетушка.

Спихнув котенка и не попив даже чаю, родители Насти поскорее уехали.

«С глаз долой, из сердца вон», – решили они.

«Ну проходи, милости просим», – обратилась хозяйка к неожиданному гостю. Подкидыш, так звали его прежние хозяева, дрожа от страха, шагнул к миске.

Но тут из-под дивана раздался душераздирающий визг и выскочили на белый свет две здоровенные кошки.

Одна с разбегу дала Подкидышу по морде, другая, встав в угрожающую позу, выгнув спину, жутко шипела.

Все это котенок в своем нежном возрасте уже испытал и понял сразу, что счастливой жизни не будет. Подумав, охнул и добавил: «Вообще жизни не будет, к гадалке ходить не надо».

Эти большущие хозяйские кошки гонялись за ним целый день, как за мышью. Пытались оцарапать и вырвать побольше кусок шерсти вместе со шкуркой. Особенно старалась черная кошка с острыми когтями.

О еде и думать не приходилось: к ней все пути были перекрыты. Видя эту ожесточенную борьбу за место под солнцем, яростное неприятие новичка, который, как назло, еще и рассаду со страху перевернул, баба Маня, долго не думая, решила судьбу Подкидыша. Вздохнула, запихнула в целлофановый мешок, завязала покрепче и забросила, куда глаза глядят.

Они глядели на крышу гаража. Там и оказался незванный гость.

Проблема была решена, и баба Маня занялась своими делами.

– Эка невидаль! – успокаивала она укоряющую ее совесть. – Всех не пережалеешь! Да и кому ты здесь нужен? – с этими словами она захлопнула двери в сенцы и в свою душу. Пошла топить печь. На улице стояла ранняя весна и температура ночью достигала еще минусовых значений

Проснувшись утром, баба Маня первым делом налила молочка своим любимым кошкам, себе чаю и пригласила их к завтраку: «Кис, кис, Муськи, Муськи, кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста».

И тут, тихо ступая, не глядя на хозяйку, появилась троица голодных, но счастливых кошек.

Да – троица, потому что третьим был Подкидыш!

Его подталкивала к миске Муська Первая, Муська Вторая облизывала с головы до ног. И обе не могли налюбоваться на то, как он жадно лакал молоко.

«Пей-кушай, родненький, – казалось, шептали они ему, – страдался, бедненький...»

Ложечка в стакане с чаем у Мани предательски застучала. На глаза навернулись слезы. Чтобы попасть в дом с гаража при закрытой двери, необходимо было преодолеть трудный путь:

Во-первых, вырваться из смертельного мешочка. Здесь, как видно, не обошлось без помощи острых когтей Муськи Первой.

Во-вторых, прыгнуть с гаража на снег, подняться по водосточку на навес крыльца, потом пролезть в маленькую дырку и попасть под крышу дома, а оттуда – в подвал и по высокой стене подняться в дом котенок не смог бы.

«Этот опасный путь они проделали втроем», – осенило хозяйку.

И слезы рекой полились из ее глаз. Она плакала горько и тяжело. Плакать баба Маша умела...

Выплакала всю боль одинокой жизни, помянула нерожденного ребенка, рано умершего мужа.

– Кушай-кушай, маленький, – всхлипывала она, глядя на спасенного котенка. – Второй раз не вешают, я не зверь какой.

А звери ласково облизывал своего спасенного найденыша. Тот от счастья щурил свои глазки и лепетал: «Мур, мур».

Глядя на это вселенское чудо, Маня перестала плакать и запела потихоньку: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля». Котенок ей подпевал: «Мур-мур».

И вместе у них сложилась замечательная песня о любви: «Ля-ля-мур-мур, ля-ля-ля, мур-мур-мур».

Под эту мелодию Мария задремала, потом вздрогнула и спросонья закричала: «Лямур! Лямур!»

Так неожиданно Подкидыш получил новое имя и судьбу.

А Мария Ивановна вспомнила что-то давно забытое, чему была тоже очень рада.

ГУЛЯНКА

На майские праздники все ребята из рабочей общаги засобирались домой к родителям. Один Сашка заскучал: ему ехать было не к кому и некуда. Он – детдомовский.

– Санек, давай ко мне махнем? У мамки хозяйство, все свое: молоко, яйца. Погуляем, не пожалеешь! – пригласил друг.

– Ну, голому собраться – только подпоясаться, – охотно согласился Санька.

К их приезду стол был уже накрыт.

– Ешь, пей. Все так вкусно, так вкусно, особенно самогончика, – угощал Колька.

Они пропустили по стаканчику за приезд. Закусили.

Вдруг дверь отворилась и в комнату ввалился здоровенный детина.

– Братка, что вы тут одни, как сычи? Пойдемте ко мне, повеселимся...

Пошли. Выпили за знакомство.

– Эх, гармошку бы! – выкрикнул Колян и махнул с подвывертом: снизу вверх, как бы грозя кому-то своим кулачищем.

– Ты ще-то сказал? Или мне послышалось? – процедил сквозь зубы Колькин брат, глядя на Саньку.

– Да ничего я не сказал, – ответил гость, уплетая угощенье.

– Нет, ты ще-то сказал? – переспросил старшой.

И со всего размаха залепил... брату, так как Санька вовремя наклонился, сиганул под стол и дал деру.

Успел на последний автобус.

Выходные провел в своей комнате. Радовался возможности побыть одному наедине с самим собой, что редко случалось в его жизни. «Вот не было бы счастья, да несчастье помогло», – думал Сашка.

В понедельник к нему подскочил друган Колька.

Мордень у него была вся как есть иссиня-фиолетовая.

– Ты куда делся, Санька?

– Я?

– Да! Гулянка только началась... Праздник! – И, разведя руками, добавил, сокрушаясь: – Все ты испортил, уехал... Праздник... А бить-то некого!

– Ты че-то сказал? Или мне послышалось? – переспросил Санек и врезал другу в ухо.

– Хорошо погуляли, настоящий праздник, – хвастался потом всем Колька, прихрамывая, кося подбитым глазом и прикрывая распухшее ухо.

– Все было так вкусно, так вкусно, особенно самогоночка, – кивал согласно друг Санька и вздыхал тихонько: – Эх, гармошку бы!

ПОЧЕМУ-МУ?

У... жизнь бекова: любить некого. Совсем один остался, совсем один... У-у-у. Да и самого не сегодня – завтра увезут.

Так и вижу себя: лежу на витрине в отделе «Колбасы», поглядываю на всех из-под стекла этаким беконом.

А я ведь совсем молодой, полный сил, энергии и любви бычок-трехлеток!

Один, совсем один остался: увезли вчера последних семерых моих подруг.

– За долги, – не то промямлил, не то промычал бригадир.

Слов-то нет, видно, объяснить это безобразие. Так они на наш язык переходят: мычат что-то невразумительное. А мне и без их слов понятно: пропили все и растащили.

Раньше тоже воровали, недодавали нашему брату и силос, и корм. Но чтоб всех до единого на бойню...

Кто рожать будет? Кто молоко давать свеженькое, парное?

Я ведь всех своих подруг по именам помню: Зоренька, Ночка, Рекордистка... Такие свадьбы да помолвки с ними закатывал – пастухи завидовали!

Учились науке страсти нежной. Еле-еле до дому добежали, до жен своих любимых. Или тут же, в наших яслях, улучшали демографическую ситуацию в стране. Благо молодых, здоровых доярок было пруд пруди.

Кто ответит на мое «му»?

Я бы сказал, да кто поймет наше молчаливое скотское страдание: в селе никто не мукает, не хрюкает.

Скоро последний хрен в огородах доедят. И поедут за импортной бешеной говядиной да за маргарином с запахом сливочного масла.

Эх, люди! Бить вас некому и мне некогда.

Вон машина уже подошла. Как говорится: «Своего уму, му... му-у-у. Почему?»

ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

– Караул! Грабят! – орали на отчетно-перевыборном собрании одни.

– Спасайся кто может, – предупреждали другие.

...Дело шло к развязке: рядом с местом, где проходило собрание, стояли наготове машина скорой помощи и полицейский уазик.

Битва предстояла нешуточная: очередного председателя дачного общества мечтали сбросить «по недоверию».

Не доверяла в этот раз бухгалтер, проработавшая с ним в любви и согласии три года.

Она подробно описала в своем заявлении в полицию, что он мошенник, мол, и вор: «Деньги из кассы берет, а отчеты не предоставляет!»

На что председатель резонно ответил: «Сама су...су...су-постатка такая». И тоже подал заявление в полицию: «В кассе огромная недостача. Денег в глаза не видел!»

Члены садоводческого товарищества разделились на три лагеря: за председателя, за бухгалтера и «моя хата с краю», то есть те, которые не доверяли даже себе.

С обеих сторон для битвы были привлечены всевозможные ресурсы: водка, подкуп и пресса.

Мужики, стоявшие горой за молодого, но ушлого председателя, на всякий случай почистили охотничьи ружья. «Смело мы в бой пойдем», – тихо, но угрожающе напевали они.

Некоторые семьи подали на развод: не сошлись во мнениях, на чьей стороне правда.

А подруги-соседки плевали друг другу вслед!

...Шли бои местного значения.

Только один человек не вникал в эту подковерную возню, готовящуюся сечу.

С высоты прожитых лет, имея за спиной горький опыт полтора года условно, лишившись возможности зарабатывать любимым делом на кусок хлеба, – это прежний бухгалтер садоводческого общества «Вера. Надежда. Любовь».

Она два года назад была сброшена с насиженного места вместе со старым председателем, который, как ни странно, отделался только легкими ушибами.

Сбросили и опозорили ее за мелкие хищения в крупных размерах нынешние подсудимые!

– Что? Тяжела шапка Мономаха? – злорадствовала она.

– Сушите сухари, – со знанием дела усмехалась и советовала условно осужденная, ожидая внеочередного побоища в садовом обществе.

Ждем и мы его, рядовые бойцы трудового фронта. «Те, которых которые», – как сказал известный сатирик.

А в свободное от ожидания время перечитываем Чехова, удивляемся его прозорливости: «Было время, когда кассиры грабили и наше общество. Девять из них шлют нам из Красноярска открытки по большим праздникам».

Читаем, удивляемся и пытаемся найти свое «единственное решение».

ВОТ ТАКИЕ ПИРОГИ С КАПУСТОЙ

В осенний холодный вечер, уютно устроившись на диване, вооружившись ручкой и блокнотом, начинаю священнодействовать – готовиться к очередному капустнику. Он состоится девятнадцатого ноября, во Всемирный день философии.

У нас на кафедре все обожают в этот праздничный денек «пройтись» по определениям, категориям любимого предмета, обсудить новости, продернуть недочеты и успехи родного коллектива.

Обязательно нужно сказать теплые слова в адрес поклонников мудрости.

И, конечно, в конце вечера расставить точки над «и» в главном вопросе философии: «Что первично: дух или материя?».

Побеждала, как всегда, материя: бегать в киоск за углом проходило несколько раз.

Мне было поручено сочинить пару-тройку четверостиший на психологическую тему. Они нужны для разогрева основных игроков, которые будут спорить и решать глобальные вопросы. Например, проблему выбора, СПОНТАННОСТЬ как главный механизм выживания человека, окружающее пространство – реальность или иллюзия?

Короче, «есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе?.. Это науке неизвестно... Наука пока не в курсе дела».

Для чистоты эксперимента термины, на которые надо придумать стихи, тянули из шляпы заведующего кафедрой.

Мне досталось пять слов. На них я и сосредоточилась:

*Много в мире есть людей,
Вон, какая братия!
Но милее и родней
К науке мне ЭМПАТИЯ!*

Настроение улучшилось, следующую частушку словно пропела:

*РЕФЛЕКСИЕЙ не страдаю,
Много шишек набиваю.
Витамины есть в зерне,
Мудрость прорастет во мне.*

И притопнув ногой, продекламировала во всю ивановскую:

*У порядочных людей –
Мир вещей и мир идей.
А у нас ФРУСТРАЦИЯ,
Да, Манька Облигация!*

– Вроде неплохо получилось? Послушай, пожалуйста, – обратилась к мужу, открыв дверь в зал.

Саша сидел, понуро опустив плечи, глубоко задумавшись, потом резко поднял голову. От неожиданности я вздрогнула: глаза у супруга горели ярким, неземным от радости светом, по щекам текли слезы, весь словно умытый росой в теплое, солнечное утро, он сиял!

– Знаешь кто сейчас звонил?

– ?..

– Дочь! Катюша!

– Катя? И что сказала?

– Папа, помоги, пожалуйста, лампочку поменять. Мне плохо без тебя, а с мужем я развелась...

– Сколько же лет вы не виделись?!

– Три года уже, – вздохнул он. – Помнишь, в магазине случайно столкнулись, она шла с дочкой. Я поприветствовал ее, а в ответ: «Я с чужими людьми не здороваюсь».

Отношения моего мужа и его родной дочери складывались сложно.

После смерти первой жены, в ответ на скорую, как казалось бывшей теще, женитьбу, она, используя все свои связи, лишила его отцовства. Мы хотели воспитывать Катюшу, подали заявление в суд, но получилось как в той пословице: «Пошли за шерстью, вернулись бритыми».

Это были девяностые годы – богатая бабушка все двери пинком открывала.

Подростком втайне от бабушки Катя прибежала к нам, но потом снова исчезала надолго.

Скоропалительное замужество не спасло ситуацию, а наоборот, лишь усугубило. Зять любит взять, а брат у родителя особо было нечего. Это стало решающим аргументом: «К отцу – ни ногой!»

...И вот – «папа, помоги!».

– Беги к дочке, отец, и повторяй:

*Катя, Катенька, КАТАРСИС –
Очищение души.
Ты в пустыне мне оазис,
Огонек в лесной глуши!*

Помни, дорогой, что молодость – время усвоения мудрости, а старость – время ее применения!

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

«Ангелы-хранители, души и тела спасители, пошлите рабе Божией Наденьке сна тихого, безмятежного», – приговаривала бабуля, ласково поглаживая меня в детстве по голове.

Но, к сожалению, счастливое детство, как утренний рассвет, промелькнуло незаметно.

И тревожная взрослая жизнь вступила в свои права...

Перед первым замужеством мне приснился сон: я иду по берегу озера, а по озеру плавают много-много уток. Вдруг одна серая уточка взлетела и плавно приземлилась мне в руки, прижавшись к сердцу.

Утром я рассказала маме свой сон. Она громко заплакала:

– Замуж, дочка, выйдешь скоро. Мне точно такой же сон перед замужеством снился!

Перед вторым замужеством мне снова приснился тот же сон: гуси, лебеди, утки плавают на озере. А я сижу на мостике и выжидаю момента, как поудачнее и ловчее схватить птицу. И едва жирный гусь подплыл к мостику, молниеносно схватила его за шею и прижала к груди.

– Ну, шустрая, – смеялись подруги.

А потом, примерно через месяц, шептались на нашей с Виктором свадьбе:

– Повезло... Не посмотрел, что двое детей, библиотекарь, рыжая.

Помните у Хазанова монолог о цыпочках? Так это про меня.

Когда в очередной раз я произнесла, что видела вещий сон, папа возмутился:

– Что, опять гуси-лебеди?

– Нет. Все у нас хорошо с мужем, – ответила.

И не призналась, что видела ночью страшный сон.

...Покойница бабушка принесла в дом повестку. В ней было написано, что получателю необходимо явиться в назначенное место через две недели. Над ее головой кружили черные птицы. И папа расписался.

А через несколько дней он надумал в Благовещение ремонтировать печку. Когда, как говорила бабушка, птицы гнезда не вьют, а девки косы не плетут.

На следующий день папа поскользнулся, сломал ребра и 25 апреля умер, ровно через две недели с получения «по-вестки».

Никому я сон не рассказывала. Перед краном проговорила: «Куда ночь, туда и сон».

Но сон оказался в руку...

А в сердце – вечная боль.

КАК Я ПРОВЕЛА ЛЕТО

Все лето я отдыхала у мамы с папой в деревне. Помогала им по хозяйству, они уже немолодые. Сено косили – в стога метали. Дрова пилили – в поленницы складывали. Огород пятьдесят соток три раза пололи да два окучивали. Да так, по мелочам, коров пасли, овец стригли, гусей, уток кормили.

Про себя тоже не забывали: регулярно завтрак, обед, ужин. Не считая перекуса. И все из пяти-шести блюд.

– Аппетит – нежеванно летит, – не могли нарадоваться родители, глядя, как я уплетаю за обе щеки.

– Как ты похорошела, доченька, белая, пушистая, кровь с молоком! – нахваливала мамуля.

Но, к сожалению, все хорошее когда-то кончается. Закончилось и лето.

– Ну, родные, мне пора в город, – сказала я.

И пошагала на автобусную остановку.

Город встретил меня дружелюбно. Чего не скажешь о подругах.

– Какой ужас! – взглянув на меня после отпуска, произнесла первая подруга. – Да ты потолстела килограммов на восемь!

– Надька, ты с ума сошла. Это же моветон, – отвесила «комплимент» другая. – Ты, главное, после шести не ешь!

– Лучше йогой займись!

– Да закодируйся на крайний случай! – завалили советами подружки.

– А лучше сразу на три диеты садись, как я, – вставила пухленькая Ирка.

– Это почему же? – удивились мы.

– Я на одной не наедаюсь! – пожаловалась бедолага.

После такой «радостной» встречи кусок в горло не полез.

И оказалось – это самая верная диета.

Красота начала, хоть и медленно, возвращаться.

Перечисляю по пунктам: во-первых, сначала появились синие круги под глазами, во-вторых, обвис живот, в-третьих, кожа

приобрела характерный иссиня-желтушный цвет, и в-четвертых, наконец, стали выпадать волосы и ломаться ногти!

Это были явные признаки того, что процесс пошел.

И скоро станет необратимым!

– Какая красота...

– Какая прелесть.

– Вот это сила воли, – восхищались и завидовали подружки.

Только мамочка зарыдала, приехав неожиданно в гости:

– На кого ты меня оставляешь, деточка?

Схватив за руку, повезла в деревню – на трудотерапию.

– Кошмар... Не приведи господи!

– Краше только в гроб, – шушукались соседки.

– Ничего-ничего, мы тебя, доченька, вылечим, – уговаривал папа.

– Как ты чувствуешь себя, родная?

– Ну как? Как та обезьяна в анекдоте: умные – сюда, красивые – туда. А мне что, девочки, разорваться?

Ведь угодить всем никакого здоровья не хватит!

ХОЗЯИН

Бабуля была еще в силе: сама обрабатывала небольшой огород, вела нехитрое хозяйство, готовила еду себе и кошкам.

Дети жили в городе. Там имели свои дачные участки, работали с утра до ночи.

Конечно, маму они проводывали по мере возможности, звонили два раза в день:

– Доброе утро! Как спала, мамуля? Как давление?

– Добрый вечер! Чем занималась? У нас все нормально.

В очередной приезд в деревню мама огорошила всех: «Редко, дети, приезжаете. Я хозяйина себе завела! Трудно одной в деревне, тяжело».

Папа их ушел из жизни восемь лет назад, прожив долгую и счастливую жизнь. Перспектива иметь вместо родного отца чужого дряхлого деда не радовала взрослых детей.

Но приезжать чаще в деревню они не могли, в город увозить маму не торопились, все решали квартирный вопрос. Решить, к сожалению, до сих пор не могли.

И поэтому категорично запретить маме устраивать свою личную жизнь в далеком селе не решались. Где на заброшенных полях уже давно выросли леса. И редкий сосед мелькал перед ее окнами.

За три года в ее переулке умерли почти все мужчины. Остались они вдвоем с подругой, две «девочки», семидесяти пяти и восьмидесяти трех лет.

– Ну ты, мамуля, даешь! Хоть бы познакомила, – смущенно глядя под ноги, пробурчал старший сын.

– Хоть не совсем развалина-то? – вздохнула первая дочь.

– А пенсия у него какая? – встrepенулась младшенькая.

– Ну, обижаете, – улыбнулась мать. – Он еще хоть куда! Пудов десять – пятнадцать будет. Я худых не люблю! Да вон он, в конце огорода копошится. Работящий!

– Где, мамуля? Где?

– У березки, где муравейник большой образовался.

– А, да-да, – прищурился сынок. – А почему он летом в шубе? Больной?

– А в чем ему быть? Он же – хозяин! – удивилась в ответ мать. – В чем хочет, в том и ходит.

– Хозяин... – передразнил сын и пошире открыл глаза, чтобы получше разглядеть будущего «папу».

«Родственник» тоже, заметив кучу народа, смотрящего в его сторону, встал на задние лапы и громко предупреждающе зарычал.

– Мой хозяин, – улыбнулась мама. – И всей этой тайги, которая выросла вместо бывших пашен, полей и лугов. Милости просим, Михаил Потапович!

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Тяжелая весть о том, что Ленкиного бывшего разбил паралич, а по-научному – инсульт, радости ей, как ни странно, не принесла.

Эта неожиданная новость скорее ввела ее в некое оцепенение.

Конечно, вот бы сейчас и сказать: «Отлились кошке мышкены слезки», «Собаке – собачья смерть», и еще много пословиц и поговорок приходило Елене на ум. Ведь ее муж, обрезав талоны на крупу и сахар в лихие девяностые, ушел к молодой новой жене, оставив Лену с двумя маленькими сыночками.

Встретились с бывшим мужем и его женой после болезни на даче, так как их участки были по соседству.

Вячеслав, так звали Ленкиного мужа, еле-еле переставлял ноги с помощью тросточки. Левая рука безжизненно болталась вдоль тела.

Взгляд – печальный, потухший, с нездешней тоской.

Зрелище не из веселых, как пишет поэт Губерман: «Старость не радость: за коликой спазм, в органах слабость – маразм не оргазм».

Лена спросила по-соседски:

– Как дела? Помог ли санаторий?

– Да не очень. Можно сказать, совсем не помог, – вздохнул Слава и добавил: – А некоторые там уже по бабкам пошли...

– По бабкам? – охнула Елена. – По бабам, что ли? Вот это да! Помогло же лечение некоторым! Повезло...

– По бабам? – рассмеялся Ленкин первый муж, и вновь засияли веселые искорки в его красивущих глазах. – У тебя одно на уме, – попрекнул. А потом уточнил: – По бабкам, к сожалению. Одна надежда только на них у многих осталась.

«Ну да, – мысленно ответила ему Елена, – по бабам-то ты всю жизнь бегал, оттого и расстались. Теперь только по бабкам и остается...» Так и хотелось вернуть: «А ты пела? Это дело, так иди же попляши!»

Но язык не повернулся упрекнуть больного, слабого человека, который, правда, будучи молодым и здоровым, испортил ей жизнь.

И Лена неожиданно для себя пожаловалась ему, что болят ноги.

– Вот, всю весну с палочками ходила, а тут как сглазили!

– С палками? – переспросил бывший супруг. И столько было в его глазах искреннего испуга за ее здоровье, что у Леночки наворачнулись слезы.

– Да со скандинавскими, – успокоила она.

– Ну слава Богу, что так! – улыбнулся Слава.

– А что, реально помогают бабки? – уточнила Лена. – Ведь моя прабабка Василиса, сам знаешь, всю деревню лечила. Вдруг и мне передалось? Давай попробуем?

После этих слов душа ее вздохнула легко и свободно. Обида, боль прошлых лет отпустили: из-за пазухи выкатился глэденький, омытый бесконечными слезами камушек.

И вот ходит Вячеслав потихоньку через свой огород в ее сад на лечение.

Бывший муж, но родной отец любимых детей.

Лечение дает свои плоды, как те яблони, под которыми они ведут свои неспешные беседы о природе, о погоде, о своей несостоявшейся совместной жизни и разбитой любви.

– Смотри, а твоему-то полегчало, – смеются соседки. И по дружбе намекают, что как бы та бабка Василиса в бабу Василису Прекрасную, свою прабабку, не превратилась.

– Да и Бог с ними, лишь бы выздоровел, – вздыхает его жена, бывшая соперница. – И у нее после этих слов тоже выпадает камень из-за пазухи.

Выпав, он так сильно стукнулся о землю, что ее муж от неожиданности вздрогнул. Потом наклонился, поднял его и бросил подальше от Ленкиного сада и своего участка.

И только тогда, когда камень скрылся из виду, Вячеслав Петрович понял, что бросил он его левой рукой, вчера еще чуть действующей и почти безжизненно висящей.левой!

– Как-как ты говоришь? – спросил он на радостях у Елены и бросил на нее восхищенный взгляд.

– Встану я благословясь, пойду, перекрестясь, в чистое поле, широкое раздолье... – пробубнила смущенная соседка.

– Ну размечталась! – резко оборвал ее законный муж.

И на всякий случай продал дачу и машину!

ЦЫГАНСКОЕ ОТРОДЬЕ

– Вы слышали? Наташка-то Якова уехала из деревни!

– Наташка? Из деревни?

«Да, видно, действительно плохи наши дела», – задумчиво чесали затылки мужики, а бабы – языки: «Пропадает деревня».

Уехали почти все. Но оставшиеся не заметили, кто когда и куда. Одно ясно: рыба ищет где глубже, а человек – где лучше.

Ну это человек... А Наташка-то? Без профессии, образования и денег – куда?

«Да разве от себя убежишь», – охали и ахали односельчане, век прожившие на своей малой родине и как облупленную знавшие ее с детства.

Убегла она, правда, недалеко: в соседний район к частнику на ферму. Ему нужны были проворные, работающие руки.

Наташкины оказались очень подходящие: проворнее ее рук в деревне был... только ее язык!

– Ой, тетя Раечка, вот вам грибочков первых нарвала. Всего-то тридцать рублей ведро! Где поставить? Хорошо, хорошо, пусть тут стоят. Рядом с вашими новыми калошиками.

– Хозяйка! – кричит она уже в другое окно. – Вам комбикорм нужен? Посыпочки надо? Да ладно, ладно, я сама высыплю, что вам, молодым, надрывать, ведь три мешка аж! И, легко подхватив свою ношу, бухнула в кадку. Только на утро хозяева увидели, что половина из принесенного добра – опилки, смешанные с отрубями! И калошики у соседей постарели за ночь до неузнаваемости. Просто превратились в хлам.

А Наташка уже с распростертыми объятиями, в новеньких калошиках, встречает на вокзале очередную жертву.

– Надя! Подружка моя! Одноклассница! Завтра тебе земляники принесу! У меня, правда, очередь, но тебе как подруге – первой. В городах-то своих, поди, забыла, как пахнет земляничка? Деньги только сразу отдай, очередь все-таки... Люди давно ждут.

При воспоминании дурманящего запаха дикой земляники у меня закружилась голова, а руки сами полезли в кошелек...

Две недели мы ждали свою первую очередь.

– Какая ягода? Бездельники! Понаехали тут. Люди делом занимаются, сенокос сейчас, а они за ягодой посылают. Совсем совесть потеряли эти городские! – кричала на нас Наташка, когда мы, встретив ее у конторы, имели неосторожность напомнить о ягоде.

«Цыганское отродье», – несло со всех сторон. Отец ее, говорят, был чистый цыган, хотя сам ни в чем таком замечен не был.

Дочь же его и ее благоверный обворовывали, одурманивали всю деревню, каждый двор – по несколько раз, удивляя своей изворотливостью при желании украсть и выпить.

Сельчане за помощью к властям обращались редко. Все больше сами находили управу на эту прохиндейку. С нее, правда, что с гуся вода... Потому что ее вера в лучшие человеческие качества у других была безгранична! Даже застигнутая в чужом погребе с поличным, она причитала: «Да что ж, мы из-за ведра картошки дружбу будем терять?»

А Наташкина дружба – великое дело! Она, как говорится, ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Напакостит, а потом уж расстарается: кому дров привезти, кому жердей, кому свинью заколоть, сена накосить, картошку выкопать, коров попасти. Да мало ли дел в заброшенной, забытой Богом и людьми деревне?

И поэтому, когда, намотавшись по чужим краям, хлебав «цыганского счастья», схлопотав три года условно, приехала назад, по деревне снова понеслась новость:

– Слышали, Наташка-то Якова вернулась!

– Вернулась? Принесла нечистая! – вздыхали одни.

– Жив курилка! – рассуждали кто пообразованнее.

Однако все по-доброму с ней здоровались. Интересовались, что и как в чужих краях.

Особенно радовались и старались угодить пенсионеры:

– Наталья Сергеевна, осиротела деревня-то без тебя. Ндолго ли к нам? Возвращайся...

– Возвернулась, – отвечала та. – Старая дружба не ржавеет, – улыбалась она и щурила на солнце свои хитрые черные глазки.

– Ну, кому дров наколоть, воды привезти? – привычно крикнула Наталья. – В очередь, в очередь...

В МОЕЙ СМЕРТИ ПРОШУ НИКОГО НЕ ВИНИТЬ

Наступила поздняя осень в жизни Раисы Николаевны, как впрочем, и за окнами ее старого дома.

Заморосили холодные дожди, иногда пролетал колючий снег, дул пронизывающий ветер, срывая остатки былой роскоши с деревьев.

Два березовых листочка держались из последних сил. И вдруг, словно журавлики, взметнулись ввысь и, махая продрогшими крылышками, рванули догонять свою стаю.

Прожить еще одну зиму в обветшалом доме после смерти мужа было почти невозможно: печь, того и гляди, развалится, дрова стали неподъемно-тяжелыми и ходить за ними через весь двор сил уже не было. Ноги плохо слушались, глаза чуть-чуть различали предметы даже днем.

Поэтому Николаевна поддалась на уговоры детей поехать в город, поближе к теплой батарее отопления и ко всем другим благам цивилизации.

– Да и правда, сколько можно ворочать эти поленья да чугунки. Брякнись, однако, когда-нибудь и замерзну в холодном доме, как соседка Гальяка-одноножка. Только куда я кошку и собаку дену? – рассуждала вслух баба Рая. – Ну Муську кума Лида заберет, она не против моей кошёнки-красавицы. – А вот с собачонкой Гердой что делать? Кто возьмет? Может, в город с собой? Сначала в ветеринарную лечебницу... Больная ведь вся. Еле-еле ходит, что-то с позвоночником. Вдобавок облезла наполовину.

– Ну в город мы эту плешивую точно не возьмем, – подала голос старшая дочка. – Сами как в конуре живем, только не гавкаем.

– Усыпить бы ее надо, да нет здесь специалиста, – вставил свои две копейки сын.

– Да вы ее сами... усыпите, – криво усмехнулся сосед, пришедший поздороваться, а заодно и попрощаться.

– Не могу я, – вздрогнул всем телом зять, – животина все же. И глазницы, как у человека.

– Ну, как знаете. Обращайтесь, если что.

Герда внимательно прислушивалась к отрывкам фраз, которые доносились из сеней. И вдруг почувствовала, что дела ее хуже некуда. И что смерть придется принять лютую, жестокую. Не зря она недолго любила этого соседа Пашку, который был так «любезен» сегодня с хозяевами.

«Да не волнуйтесь, не торопитесь», – казалось, проскулила бедная собачка Герда. И, как говорится, вся жизнь промелькнула у нее перед глазами.

Вот ее щенком принесли в дом. Хозяин Алексей очень привязался к маленькому рыжему комочку: дети, внуки поразъезжались кто куда, в округе словом перекинуться было не с кем. И стала она для него лучшим молчаливым собеседником. Нянчился с Гердой, сам ее так назвал, разрешал даже в доме ночевать в лютые морозы.

Сколько грустных песен, веселых историй, баек и тайн хранила его любимица в своем сердечке. Знала, что с двенадцати лет, лишившись отца, погибшего на фронте, пошел работать в колхоз. Возил письма, газеты из соседнего села. В дождь, в метель, размазывая слезы по щекам, так как волки завывали где-то рядом. Да и чужие люди, встречавшиеся на пути, не особо ласково, с тревогой смотрели вслед: похоронки одна за одной приходили в далекое сибирское село.

Знала, что хозяин слаб глазами и память желает лучшего. Просил Герду: «Уведи меня в лес и оставь там, если разума совсем лишусь...»

Казалось, понимала, что главной заботой всегда были для хозяина дети, внуки. Очень мечтал увидеть старшего внука полковником, младшего женить. Поставил вино на свадьбу, которое пять лет ждало своего часа.

Раечку, жену свою, любил, заботился. О размолвках только Герде докладывал, вздыхая: «Тяжело, когда у одного человека в семье чувства юмора совсем нет...»

И напевал весело: «Девки юбки замочили, перевозчику – беда».

Иногда Герда думала, что и она человек, член этой дружной семьи. Всегда была им верна и предана.

Услышав, как убивается Раечка, расставаясь с родным уголком земли, с могилой мужа и невозможностью взять ее с собой, она решилась на самый последний шаг, ради этих близких людей.

– Мама, – заскочил рано утром сын в спальню. – Сняла собака камень с нашей души: издохла ночью под крыльцом! Если б могла писать, то, наверное, чиркнула бы: «В моей смерти прошу никого не винить...», – неловко пошутил он.

– Мама, мама!!! – сын толкнул старенькую мать, и черная шапка выпала у него из рук.

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК СБЕРЕЧЬ

– Мужики, ненавижу себя, презираю, – тихо, но с болью в сердце и душевным надрывом, опрокинув очередной стакан мутной самогонки, каялся Петро. Или Петр Иванович, как давно и уважительно звали-величали его в селе. – Убить же я ее хотел. Убить. – И он зло сверкнул черными глазами.

– Да что случилось-то? – недоумевали друзья односельчане.

Петр – хозяйственный, домовитый, редко выпивающий, вечно улыбающийся красавец, боготворивший жену и троих детей, молчал и долго качал головой из стороны в сторону. Затем, не сказав главного, пошагал неровной походкой домой.

– Сильно мужика кто-то обидел. С души выворачивает бедного.

– Се-ля-ви, – со знанием дела подытожил Серега.

– Никак баба его загуляла? – осенило вдруг кого-то из подвыпившей компании.

– Не может быть, – засомневался сосед Петра, – Светлана Николаевна – интеллигентная женщина, учительница, – подняв указательный палец, продолжал: – Да детки у нее мал мала меньше.

– Чужая душа – потемки, – вставил свои две копейки трижды разведенный с кучей брошенных ребятишек Семен.

– Ну, за Петра! Чтоб не дай бог не прибил кого по пьяной лавочке.

– Ни по пьяной, ни по трезвой я ее голубушку не обидел ни разу, – сокрушался Петр Иванович.

У калитки родного дома остановился. Закурил.

С первого взгляда полюбил он свою Светланушку – тоненькую, измученную долгой блокадой девчонку, которую привезли к ним в село из Ленинграда.

Никогда, правда, она не рассказывала о своей жизни до войны и во время блокады. Видимо, очень тяжело было возвращаться в недалекое, леденящее душу прошлое. Лишь в печальном взгляде отражался непосильный груз потерь.

Жили они дружно. Детки прибавлялись каждый год.

После рождения третьего решил Петро перестроить свой дом-пятистенок, прирубить еще две комнаты.

Начал с ремонта пола у печки. Долго возился с ним, не поддавались хоть и подгнившие, но довольно крепко сидящие в пазах плахи.

«Умели деды строить», – с гордостью думал он.

Одна плашка отодвинулась неожиданно легко... Под доской, в небольшой ямке, лежал сверток, аккуратно перевязанный голубым шелковым платочком. Петр осторожно развязал платок, каких в деревне никто не носил.

Раскрыл первый конверт и начал читать: «Светочка, любимая, наконец я нашел тебя. Только одна мысль о нашей встрече давала мне силы выжить в годы разлук, страданий, потерь, выпавших на нашу долю и долю всей страны. Все это время – в тяжелых боях...»

Сердце у Петра вдруг зажалось в тиски, и лютая ревность заглянула своими зелеными глазами в душу.

Первый парень на деревне, храбрый солдат, лично уничтоживший в смертельной схватке более десятка фрицев, остолбенел от обиды, потом вспыхнул от ярости.

Он глазами выхватывал отдельные фразы: «Единственная, родная...».

И обратный адрес – Ленинград.

Петр Иванович медленно сел, облокотившись на печку, и злобно посмотрел на раскрывшуюся дверь.

На пороге стояла она – его любимая, его единственная, мать троих детей!

И Петр, резко вскочив, с размаху ударил жену, затем выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью.

Падая, Светлана схватила голубой платочек и крепко зажала его в руке. Конверты, выпавшие письма разлетелись по комнате, как стая лебедей.

– Светочка, цветочек мой, – ласково, нежно со страстью шептал Петр, вернувшись домой. – Прости, прости ради Бога.

Взгляд жены поразил его. Это не был взгляд изменщицы, застигнутой врасплох. Это была стена боли, муки, за которую силой ему не пробиться никогда.

– Прости, родная. Скажи, что это? Кто это? Ради детей наших, ради любви... – тут он запнулся.

– Саша – мой первый муж, – тихо прошептала супруга.

– Да как же так? – ясное сознание и трезвость ума в одну секунду вернулись к Петру.

– Он был военный. Мы поженились двадцать первого июня сорок первого года. Всю ночь прогуляли, любовались белыми ночами. А наутро он ушел в военкомат, а я осталась в Ленинграде. Похоронила в блокаду родителей, братика. От мужа известий не было шесть лет. Первое письмо пришло в сорок седьмом. Он нашел меня, будучи уже полковником. Звал с собой вместе с детьми.

– Не надо. Не продолжай, – остановил ее Петр, затем поднялся и вышел на крыльцо.

Боль, обида и страх потерять все то, чем жил, что любил, разрывали сердце на части. И он, разбив о поручень крыльца руку до крови, зарычал, как раненый зверь, заглушая душевную боль физической.

Светлана, окинув невидящим от слез взглядом свое уютное гнездышко, которое они с Петром строили долгих шесть лет, продолжала в пустоту свое повествование:

– Затем, где-то через полгода, приехал Сашин друг и привез пачку писем, а также рассказал, какая жуткая смерть настигла храброго разведчика уже после войны. «Ты счастлива, – писал Саша в последнем своем письме, – значит, так угодно судьбе. Пусть свет моей любви всегда согревает твою душу».

Осторожно, облокотившись на косяк двери, Света шагнула за порог.

Шорох за спиной заставил Петра напрячься, а легкое прикосновение к плечу – замереть.

Солнце еще не показалось из-за горизонта, но его первые лучи уже целовали голубое небо.

ОТЦОВСКИЙ ЗАВЕТ

– Ну, – отец строго, серьезно и даже зло посмотрел на меня и младшую дочь, – не умеете дружно жить со своими мужьями – выбирайте, на чем поедете сено метать!

Мы с сестрой стояли перед ним как нашкодившие котята и, опустив головы, разгребали пыль резиновыми сапогами.

Вчера Татьяна сообщила отцу, что хочет развестись с мужем, а я уже месяц жила у них в деревне с сыночком, оставив суженого-ряженого в городе.

Выбор, предоставленный отцом, был не велик, но ужасен по своей непредсказуемости и железобетонной логике.

Перед нами стояли гусеничный трактор ДТ-75, машина «Нива» и запряженная лошадь с механическими железными граблями.

Сестра, вздрогнув и набрав побольше воздуха в рот, чтобы не расплакаться, пошла к легковушке.

Она окончила технический вуз, водительских прав еще не имела, но опыт вождения кой-какой был.

Папа сел за рычаги трактора, а мне махнул рукой: «Догоняй!»

Делать было нечего: я потихоньку подошла к лошади, та покосилась на меня черными блестящими глазами, наострила уши и дико заржала.

Под ее всхрапывания жертва будущего развода попыталась забраться на грабли, напоминающие полукруглый гребень, каким бабушка закалывала свои жиденькие волосы, только огромный и страшный.

Наверху у этой чудо техники возвышалось сиденье, и рядом, как тупая сабля, торчал железный рычаг.

Водрузившись на этот подиум, я взяла в руки вожжи и отчаянно крикнула:

– Но, пошла!

И лошадь пошла, а вернее понеслась по кочкам...

А я зарыдала в голос. До нашего покоса добираться было часа полтора по лесной дороге. И почти все это время эхо разносило по округе мои жалобы на горькую судьбину и проклятия в адрес очередной пассии мужа:

– Господи, покарай ее за сиротские слезы моих детей.

Вспомнила и пересказала, размазывая сопли, всю историю нашей первой любви. Как отказавшись от всех предложений, ждала его из армии. И слова «граница», «погранзаस्ताва» не сходили у меня с губ.

Когда дошла до того случая, в котором муж, переступив через больного сыночка, взял свой рюкзак и уехал сплавляться по горным рекам на две недели, лошадь замедлила свой бег.

Потом остановилась совсем.

Тяжело по-бабьи вздохнула и тихо пошла по дороге, которую давно и хорошо знала.

На нашей делянке папа уже срубил березку, сделал из нее «волокушу» и ждал меня для дальнейших инструкций.

Сколько нервов и седых волос стоила ему эта поездка, он признается мне лет через десять.

– Вначале сгребай всю «ручку», то есть скошенное сено в валок, периодически поднимая и опуская рычаг, стряхивая сено. А потом заезжай перпендикулярно и превращай эти валки в кучки, ну как вы тесто на пельмени с матерью делайте: катаете жгут, а потом режете его на шарики.

И уже с плохо скрываемой тревогой посмотрел на меня.

Я и Чалая, так, оказывается, звали мою спасительницу, внимательно слушали его наставления.

Лошадь все поняла, казалось, вперед седока. Мне оставалось только держаться за вожжи одной рукой, а другой выжимать этот тяжеленный механизм.

Исправно, не торопясь, делая свое дело, Чалая внимательно, ободряюще поддерживала меня то взглядом, в котором сквозила вековая мудрость, то веселым ржанием.

«Коня на скаку остановит? В горящую избу войдет?» – читалось в ее взгляде.

Никогда в жизни, ни до и ни после, не работала я на граблях, но со своими делами справлялась великолепно, благодаря ее поддержке.

– Какого лешего мужику твоему надо? – возмущался подошедший через два часа хозяин кобылы. – Такая ладная, работающая. И мать твоя такая же, – шепнул тихонько, покосившись на отца.

Родители дружно таскали кучки сена на волокушу. Сестра, которая тоже благополучно добралась на машине, сгребала остатки духмяной травы.

Друг отца дядя Володя, видя, что я и его любимица прекрасно справляемся с поставленной задачей, пошел помогать отцу. А мама умело вершила стожок, укладывая навильники душистого сена в самую середину и плотно утаптывая его, чтоб ни дождь, ни снег не испортил будущий корм для ее любимицы коровы Ночки.

– Не обижайтесь на меня, доченьки, – проговорил вечером отец. – Трудно жить сыновьям без отца, да еще в мирное время. Неправильно это. Постарайтесь найти заросшую тропинку к сердцу друг друга. Я, конечно, выращу внуков любимых. Но отец есть отец. Своего я потерял в войну. Мама одна тянула четверых. Дед с бабкой помогали, не голодовали. Правда, круглую картошку не могу есть до сих пор. Но я помню каждую редкую минутку, проведенную с отцом. Он работал на МТС, и запах бензина с тех пор дороже всех запахов на свете. Как сегодня, помню последние его слова: «Толик, ты остаешься за главного. Живите дружно. Любите людей». И ласковую, шершавую ладонь на своей голове. Восемь лет мне было в сорок первом, когда похоронка пришла.

Папуля утер слезу и сказал громко всем сидящим за столом:

– Ну, за дочек моих, умниц, красавиц и тружеников с детства!

– И за жен наших, – негромко продолжили неожиданно появившиеся на пороге брошенные мужья.

Смущенно потоптались там и вдруг спросили у отца:

– Пап, а где у тебя бредень, мы бы вместе с супругами сходили рыбки на утро наловили...

– Там, в омшанике, поищите, – как ни в чем не бывало ответил отец и выпил стакан самогонки до дна, не предложив зятьям.

– Схожу помогу им, а то память у них девичья, – сделав ударение на последнем слове, через минуту сказал папа, обратившись к нам, глаза опустившим долу.

...Закинув за плечи сеть для ловли рыбы, мы в очередной приезд вновь пошли с мужьями на речку.

– Снова рыбалить? – выглянув из-за своей ограды, спросил дед Паша. – Хватит, хватит. – И он хитренько подмигнул нашим любимым. – Бабы-то ваши уже на людей не похожи!

И от общего веселого смеха вздрогнула улица.

Сестра была на шестом, а я на седьмом месяце беременности.

МОЕ ДРАГОЦЕННОЕ СОКРОВИЩЕ

В осенний холодный вечер, собираясь в гости, я вспомнила притчу:

«За день до рождения Ребенок спросил у Бога:

– Я очень боюсь! Я совершенно не знаю, что я должен делать в этом мире?»

Бог ответил:

– Я подарю тебе ангела, он всегда будет охранять тебя от бед.

– А как же его зовут? – спросил Ребенок.

– Не важно, как его зовут. Ты будешь звать его мамой».

«Мама» – какое красивое слово! Мамины руки – самые заботливые и нежные.

В моем сердце всегда будет уголок, который принадлежит только ей, самой красивой, самой доброй, все понимающей и все прощающей, волшебнице, исполняющей самые смелые мечты!

«Вставай, доченька, – говорила мамочка, – вон какие ручки и ножки большие выросли! Просыпайся, солнышко, пойдем за подарком ко дню рождения».

И мы идем на почту. Там меня ждет чудо-велосипед! Темно-синий, сиденье красное, рама низкая, ручной тормоз и цветные резиночки на заднем колесе. Из самой Москвы!

Великая труженица, она приучила нас к труду. Имея два образования (преподаватель русского языка и руководитель народного хора), привила любовь к чтению и театру.

Мамочка научила держать удар, верить в лучшее.

А главное, она всегда говорила, что я – ее счастье!

– Счастье? – искренне недоумевала сотрудница нашего отдела. – Ты, разведенная, с двумя детьми, счастье?

– Да, – растерявшись, повторяю слова мамы, – счастье.

Что это именно так, я никогда не сомневалась.

Как не сомневаюсь в любви моих сыновей, которые звонят мне и признаются в любви, как и я им.

А недавно позвонил младший сынок и передал трубку внучкам-двойняшкам, те тихонько прошептали:

– Бабушка, нам понравилось! Ты самая красивая, умная и интересные сказки сочиняешь!

– А что вам понравилось больше? – уточняет отец.

– Загадки! Мы еще хотим загадок, пять, шесть, семь!

– Тогда слушайте, – говорю, смахнув слезы радости:

*Я – пупырчатый, зеленый,
Желтый глазик удивленный.
Любит сын, хрустит отец,
Догадались?*

– Огурец!

– А вот это кто?

*Желтый нос, зеленый хвостик,
Часто к нам приходит в гости.
Лечит зрение и кровь.
Это – сладкая...*

– Морковь!

– Молодцы! Хватит или?

– Или! – кричат мои любимые Евочка и Машенька, шестилетние красавицы.

*– Было очень весело
У друзей на даче.
Там я куролесила,
Там мне дали сдачи!*

– Бабушка, а сдачи – это денюшки или в лоб? – серьезно интересуется рассудительная Машенька.

«Надо обязательно мамочке все это дать послушать и посмотреть», – говорю я сама себе. Обниму ее сегодня, мою родную, мое счастье, поцелую, как всегда, глаза и руки ее.

Почитаем стихи, споем ее любимую песню:

*Эх, Сибирь, ты матушка,
Я сомкну ладонь.
Край отца и матери
Ты попробуй, тронь!*

Собрав все самое вкусное, бегу чтобы:

*Позабыв все слова приветные,
Приготовленные слова.
Выдохнуть: «Моя добрая, светлая.
ЖИВА!»**

* Стихи А. Каткова.

ДАЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОВЧАРКИ РИЧИ И ЕЕ СПАСАТЕЛЕЙ

– Тетя Клава, вы нашу овчарку не видели? – кричали у соседской ограды разномастные и разновозрастные дети.

– Вы что, нас не слышите? Вы со-ба-ку на-шу не видели? – громко, по слогам надрывались ребяташки, делая ударение на слове «нашу».

– А по хребтине? – огрызнулась соседка.

Тогда мелкие разбойники, пошептавшись со своей заводилой, которой было лет двенадцать-тринадцать, крикнули на прощанье:

– Мы еще вечером придем! Говорят, что вы нашу овчарку видели.

И, громко рассмеявшись, стайка хулиганов удалилась во свояси.

Так дети мстили нашей соседке, которая летом прикормила их собаку – немецкую овчарку. Вернее, две тети-подружки, задобрили собачишу и звали ее каждая по-своему: одна – Найдой, другая – Линдой.

Я настороженно отнеслась к их затее обзавестись овчаркой, так как забора у нас между участками не было.

А Найда-Линда, не зная границу своих владений, зорко следила за моими передвижениями по саду! И, когда броситься на неприятеля, решала сама.

– Привяжите собаку, купите намордник или отдайте ее хозяевам, – просила не один раз я.

Да, хозяевам! Ведь она не была брошенной собачонкой, а просто заблудилась на старости лет.

Да и дети, подходившие ко мне в начале лета, говорили, что она их собственная. Ребята бегали по садовому обществу, писали каракулями на тетрадных листочках: «Пропала собака» – и расклеивали, как объявления.

– Так приведите родителей и забирайте ее у соседей, – предложила я им, когда они в очередной раз устроили демонстрацию протеста у ворот тети Клавы.

Ребятишки, услышав мой совет, затушевались, и взросленькая честно призналась, что овчарку они подобрали у своего забора, а папа и мама не хотят брать приبلудную собаку домой, но на даче смиловались потерпеть ее присутствие: «Пусть поживет».

И вот она ушла, как тот колобок, и от них.

– Тети эти забрали ее у нас, – кричали они и несколько раз приходили к ограде, звали ее, свою любимицу: – Чалая, Чалая.

Но Чалая-Линда-Найда смущенно опускала глаза: «Мол, нас и тут неплохо кормят». Действительно, подружки пичкали ее как на убой, даже привозили вкусняшки из города.

Но однажды кто-то из соседей, не выдержав присутствие незваной гостьи, написал жалобу председателю.

– Тоже эту ерунду говорит: «Купите ошейник, привяжите», – бурчали подружки после его визита.

Но покупать ничего не пришлось: нашлись в соседней деревне настоящие хозяева, которые очень любили свою старенькую Ричу, а где она находится, сообщил им местный фермер. Он был знаком со всеми членами садоводческого общества и хорошо знал, что у кого потерялось и что появилось.

– Тетенька, а вы нашу собаку не видели? – ровно в десять часов вечера раздалось под окном тети Клавы.

Сил терпеть их причитания, смешанные с обидой и желанием отомстить, больше не было даже у меня, хотя в детстве я тоже досаждала соседке. Она купила дом у нашей бабушки и первым делом вырубил яблоньки и ранетки. На их месте посадила овощи. Так мы ночью залезли в огород и выдрали морковь.

– Я видела! – крикнула им в ответ.

Ребятишки недоверчиво посмотрели в мою сторону. «Главари» поглубже натянули на лицо капюшоны.

– Правда-правда, – как можно спокойнее повторила, – ее хозяйева сегодня нашли и увезли в Старочервово.

Тут нервы сдали и у них: слышно было, как ребятня радостно зашепталась между собой.

– Домой забрали, домой!

– Да подойдите вы поближе, пожалуйста. Я вас яблоками угощу.

Толпа из малышей от двух до двенадцати лет со смехом, но осторожно подошла к нашему саду.

– Угощайтесь, мои хорошие. Я понимаю, что вы мстите за свою собаку. Но она же не у вас ее забрала, а подобрала у своих ворот. Хотела даже в город забрать... Любила ее, хорошо кормила. Но эта была чужая собака. А хозяйева так обрадовались, что нашли ее живой-здоровой. И в этом есть и ваша заслуга! Спасибо всем за это. Какое-то время вы ее спасали от голода: вначале даже втайне от родителей кормили, поили. Беспокоились о ней, ухаживали. Вы все такие молодцы!

Тут старшая девочка сняла капюшон, расправила светлые волосы, взглянула на меня чистыми, ясными, голубыми глазами (как рублем одарила, в народе говорят) и сказала:

– Добрая вы, тетя. Спасибо вам.

Сказала, словно медаль на грудь повесила или даже орден.

И стайка ребятишек, борцов за справедливость, от мала до велика, словно воробушки, вспорхнули и улетели в родные гнездышки.

А теплый взгляд их «атаманши» согревает душу до сих пор.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Дмитрий Сергеевич Полухин, курсант Кемеровского кадетского корпуса МЧС, двадцать первого февраля делился информацией с друзьями в социальных сетях: «Шанс не бывает единственным в жизни. Единственной бывает только жизнь!»

А почти через месяц, двадцать пятого марта, он, рискуя своей единственной жизнью, дает шанс на спасение трем детям, которые задыхались в черном дыму пожара в «Зимней вишне».

В экстремальной ситуации Дима не растерялся и не только сумел спастись сам, но и спас троих детей.

Когда начался пожар, он находился в кинотеатре на четвертом этаже, смотрел фильм. Вдруг к ним в зал забежала женщина и крикнула, что нужно выходить. Началась давка, так как народа было очень много. Они спустились на третий этаж. Там было практически черным-черно, нечем дышать, в глазах у него начало темнеть.

Дмитрий был уже близко к выходу, когда услышал крик женщины. Она билась в истерике и кричала, что никуда не пойдет, рвалась назад.

Рискуя задохнуться в дыму и сгореть заживо, курсант пробрался сквозь толпу и спросил: «Где они?»

Мать просто махнула вне себя от ужаса в сторону дальше по коридору.

Пройдя три магазина, Дима услышал детские крики, пошел на голос. В одном из отделов увидел, что кто-то там есть. Трое малышей забились в угол и плакали. В темноте, в густом дыму он нашел руку мальчика, ему было лет одиннадцать, прицепил его за ремень, а девочек за шиворот потащил к выходу.

Кругом слышны были крики, стоны и плач.

Всех троих спасатель передал маме.

Как выходила она и ее спасенные дети, наш герой уже не видел. Через полчаса за ним приехали родители и увезли в больницу.

Кстати, папа Димы, Сергей Николаевич Полухин, – кадровый офицер в отставке. Именно он и дед Николай Иванович – «соль

земли», воспитали в сыне, внуке силу воли, решимость, отвагу, мужество, порядочность и ответственность!

За эти качества и решимость в сложной ситуации Дмитрия наградили медалью «За спасение людей во время пожара». Это боевая награда, ее удостоиваются люди, проявившие настоящее мужество.

«Мы часто встречаемся с людьми, которые по зову сердца делают больше, чем те, кто обязан делать это по долгу службы», – сказал председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин, вручая награду Дмитрию Сергеевичу Полухину.

Сейчас Дима – курсант Военной академии связи имени маршала Советского Союза С. М. Буденного в Санкт-Петербурге.

Пожелаем ему успехов в учебе, терпения, удачи в освоении такой нужной, трудной и благородной профессии – Родину защищать!

Самоотверженным поступком он подарил всем нам надежду на то, что есть небезразличные молодые люди, готовые прийти на помощь, несмотря ни на что. Они – достойные продолжатели подвигов своих отцов и дедов.

Спасибо тебе, обычный русский парень.

Пусть хранит тебя Господь.

БЕССМЕРТНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

(ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ)

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Наконец муж Валентины вышел на работу, и на дачу перестали таскаться его закадычные друзья. Сосед слева выздоровел и тоже уехал в город по делам. Соседка справа была не замужем, жила одна.

Поэтому Валя ранним утром спокойно вышла топлес (полуголая) на крыльцо дачного домика. Сладко потянулась, зевнула и решила сделать зарядку в том, в чем была. Наклонилась к лесу задом, к солнцу передом.

И... застыла в этой позе, так как сзади неожиданно из кустов и высокой травы донеслось:

– Кхе-кхе...

Как говорится, вся жизнь перед глазами...

Один ужас перебивал другой страх.

«Не иначе как медведь, который в прошлом году грибника задрал, явился по мою душу? Нет-нет, его же поймали вроде? – пыталась успокоиться она. – Тогда воры пришли? Ну нет, снаряд два раза в одну воронку не попадает! Нас уже ограбили».

Глянула вчера, а половины грядок лука, свеклы и морковки как ни бывало.

– Зверек какой-то повадился, все под корень уничтожает, – сочувственно объяснил ей сосед, набивая сумки различной зеленью для продажи на базаре. Глаза его при этом сверкали действительно как у затравленного хорька...

«А может, дрова привезли – дома ни прутика, ни веточки? И в лесу не возьмешь – закон суров, но он закон!» – размышляла она.

– Кхе, кхе, – послышалось снова.

«Неужели все-таки маньяк?» – содрогнулась от ужаса Валентина.

– Извините, – повторил лесной житель человеческим голосом.

Она обернулась и увидела, что из леса вышли трое!

– А вы дачный домик приватизировали? – спросил, прокашлявшись, один.

– А землю? – переспросил другой.
– Налог за участок заплатили, а за воду, а за свежий воздух? – заорал третий.

– Кхе-кхе, – поперхнулась Валя и, прочистив горло, звонким голосом заорала на всю округу: – Караул! Насилуют!

Затем рванула в лес в чем была, а точнее почти в чем мать родила.

Долго еще и не раз слышали оседлые дачники ее дикие вопли: «Караул! Кара-у-у-л!» Потом: «Кара». И, наконец, просто: «Кар! Кар!»

– Эхе-хе, – вздыхали сочувственно соседи. – Платила бы ты, Валька, вовремя налоги, не вздрагивала при каждом стуке. Жили бы с Валентином еще сто лет и умерли в один день – четырнадцатого февраля.

На что она, отойдя от первого шока, прокаркала в ответ:

– Ничего, ничего, не волнуйтесь за меня. Я в столицу махну, в певицы пробиваться буду. Сама вчера слышала, как одна интеллигентная образованная девушка утверждала, что «городской вороны крик – тоже утренняя песня!»

И громко запела свою любимую: «Я – ворона, я – ворона», взмыла в небеса. Легла на курс, и только мы ее и видели... по телевизору. А увидев, изумлялись: «Сколько же она... только одних налогов платит... Кхе-кхе».

ТАЙНЫ ГРАФИНИ КУЗБАССКОЙ

Граф Михаил Семенович Воронцов, герой войны тысяча восемьсот двенадцатого года, генерал-губернатор Крыма, прекрасно образованный и воспитанный человек, еще раз внимательно посмотрел в роскошное зеркало, висевшее над камином.

Сегодня состоится торжественный прием: дочь Софья с мужем Андреем Павловичем Шуваловым возвращаются из города Вена.

А дабы невероятно удивить и порадовать гостей и друзей, хозяин решил пригласить на бал гостью из будущего – графиню Н. Кузбасскую.

Прекрасная незнакомка, сверкая бриллиантами, медленно шагала по залу и тихо бубнила себе под нос:

– Этого не может быть!

– Не волнуйтесь, будьте как дома, – успокоил ее светлейший граф и подвел к гостям.

Все приглашенные сидели за широким столом, ножки которого напоминали лапы льва. Множество люстр освещали высокий зал. Откуда-то сверху тихо лилась прекрасная мелодия.

Многих гостей графиня Н. узнала, их портреты висели в соседних залах.

– Итак, – начала она свое повествование, – много воды утекло за почти два века, далеко шагнула цивилизация. Развитие техники перешагнуло все мыслимые и немыслимые пределы!

Тут вещунья перечислила многие научные достижения: телевидение, развитие космоса, сотовые телефоны... Пересказала телепередачи «Модный приговор» и «Детектор лжи».

Эти новости вызвали небывалый переполох у господ. Некоторых дам пришлось отливаться водой и приводить в чувства с помощью их великолепных вееров.

О войнах и катаклизмах двадцатого и двадцать первого века пришлось докладывать только мужчинам, закаленным в боях за веру, царя и Отечество.

Глаза боевого офицера – графа Михаила Семеновича при этом сверкали праведным гневом.

Его награды были заслужены в тяжелых в сражениях. Он знал цену победы! О благородстве графа ходили легенды. А когда светлейший князь ушел в мир иной, в народе говорили: «Бог высоко, царь далеко, а Воронцов умер». Тем самым подразумевая, что защищать вас больше некому.

Перечислив почти все новости, гостя из будущего устало присела. Но тут же подскочила и громко добавила, обращаясь к гостеприимному хозяину:

– Одно, несомненно, радует всех – это то, что дворец, который построили вы, и парк, разбитый на месте каменных глыб, являются украшением здешних мест. В нем произрастают сотни деревьев, кустарников, роз. Они цветут, благоухают, круглогодично! Радуют всех приезжающих людей. А Крым благодаря вашим, Михаил Семенович, усилиям стал жемчужиной нашей Родины.

После этих слов на глазах сурового графа показались слезы.

– Эта новость меня очень порадовала, – признался он. Ради нее стоило два века терпеть эту злосчастную эпиграмму А. С. Пушкина:

*Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

– Даже лучшее зеркало не отражает обратной стороны, – успокоила его гостя.

– Время все расставило на свои места, – сказала она и вздрогнула от крика:

– А куда подевалась эта женщина, которая простояла всю экскурсию по Воронцовскому дворцу у зеркала?

Для графини из Кузбасса этот вопрос оказался полной неожиданностью.

А, правда, куда?

ПОЛЕТ ШМЕЛЯ

В разгар лета откуда ни возьмись, а точнее с неба, свалились тысячи белых бабочек.

Они порхающими тучами носились над полями и лугами, лесами и реками. И, конечно, над дачей, где отдыхала Надюшка у бабушки.

Высоко подняв голову, внучка увидела, как мохнатый шмель пытается догнать белокрылых красавиц и познакомиться с ними.

Он то высоко взлетал в небо, кружился вокруг веселых бабочек, то камнем падал вниз, пытаясь удивить всех и обратить на себя внимание.

На одном крутом вираже юный пилот не рассчитал силенки, голова от обилия веселых хохотушек закружилась, и он с размаха шлепнулся в бочку с водой.

– Караул! Помогите! – кричал он в отчаянии.

Но воздушные прелестницы не обращали на него никакого внимания. Или ворчали в ответ на его отчаянную просьбу:

– Фу, какой неуклюжий и неповоротливый!

– О, Боже, он чуть-чуть не утопил нас, – безразлично трясла лапками другие.

– Какой мерзкий и безобразный, туда ему и дорога! – решили бабочки-капустницы.

Сам же шмель так не думал. И все колотил, колотил по воде крыльями из последних сил.

– Да помогите, пожалуйста, кто-нибудь! – крикнул напоследок.

– Бабушка, а кто это зовет на помощь? – вздрогнула Надюшка.

Бабуля оглянулась по сторонам, везде, где хватало взгляда, кружились отвратительные белые бабочки-капустницы! Они откладывали яйца в капусту, а потом из них появлялись личинки, которые, постепенно превращаясь в гусениц, пожирали весь урожай.

– Да вы хоть закричитесь, с места не шевельнись, – сказала она вредителям огорода, а значит, своим кровным врагам.

И пошла поливать помидоры, которые что-то подкачали в этом году: росли медленно, не завязывались, то есть не опылялись вовремя.

Заглянув в бочку, бабушка увидела там барахтающееся насекомое.

– Так вот кто просил о помощи, – сказала она.

И, зачерпнув воды, поймала его маленькой лейкой, у которой не было насадки. Брать в руки найденыша бабушка все-таки побоялась.

Шмель, почувствовав какое-то движение, очнулся. Его быстро понесло с потоками воды по узкому желобку.

– Все кончено, – успел подумать он.

Но тут в конце туннеля, а на самом деле это был носик лейки, увидел свет. И вместе с водой булькнул на землю!

Быстро-быстро зашевелил лапками, пугливо спрятался под листок, вздыхая:

– Два раза не буду судьбу испытывать, отлежусь – и в путь. Подальше от этих мест.

– Как жаль, – вздохнула Надюша. – А я читала в книжках, что пчелы и шмели опыляют садовые деревья и овощные культуры. Вот бы нам такого мохнатого помощника!

Слова маленькой доброй девочки глубоко запали в душу спасенному пилоту. Он не только остался в саду у своих друзей, но все лето старался, работал, тщательно собирая пыльцу, перелетал с одного куста на другой.

К осени у бабушки вырос знатный урожай!

Мохнатый помощник знал, наверное, русскую пословицу «Долг платежом красен!» и сделал все возможное, чтобы отблагодарить спасителей.

БЕССМЕРТНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Мерцания внимательно разглядывала отражение спящего супруга в зеркале. И вдруг с ужасом заметила его глубокие морщины, скошенный набок рот и совсем седые волосы.

«Да он настоящий старик, каких я видела в учебнике о жизни смертных людей, хотя по утрам муж еще совершает пробежки, готовит кофе и «прижимает к теплой стенке». И что же мне теперь делать? – мысленно обратилась она к своей матери. – Бросить? Убить? Так он все равно умрет! Да-да, умрет. Он не бессмертный!

Это я начала понимать только недавно, когда он, глядя на меня засыпающую, сказал: «Как тяжело оставлять ее одну».

Ничто и никто не поможет моему горю! – вскрикнула бедная Мерцания и, заломив руки, вышла из спальни.

– Он простой смертный, – продолжала убитая горем супруга, – с кучей недостатков.

– Что же проще: дожидаться окончания его века и вновь молодой и красивой выйти замуж? – задала риторический вопрос невидимому собеседнику прозревшая жена.

– Да в том и беда: в касте бессмертных замуж выходят один раз!

Все дальнейшие попытки резко пресекаются во избежание генных мутаций. Так как доказано, что любимый мужчина поселится в твоих воспоминаниях на всю жизнь. И через годы ты можешь родить ребенка, похожего на него, возможно, смертного, что строго запрещено!

Поэтому перед свадьбой очень тщательно проверяют пары на совместимость по различным параметрам. И на ранней стадии выявляется принадлежность к кастам: высшей – бессмертной или низшей – смертной.

Затем выносят вердикт.

– Как он мог пройти все эти испытания? – кричала обезумевшая Мерцания.

– Мне судьба приготовила не сто лет одиночества, а нескончаемые века одиночества, равнодушия, презрения всех членов общества. Я проклята. Я – изгой.

– Не беспокойся, дочка, я что-нибудь придумаю, – крикнула мать чуть не с другого конца Вселенной. – Я не позволю никому терзать твое сердечко.

– Надо догадаться, каким образом ему удалось обмануть всех нас. Он же клялся в вечной любви, просил благословения.

– Нет, постой, – вздрогнула мать. – Как ты сказала? У него появились морщины и он не так хорош в ваших играх? Боже милостивый, за что ты покарал меня? – вскрикнула бедная мать и подняла руки к небу.

– Не зять виноват в моем горе. Он влюблен и, значит, вечен.

– Ты, дочка, разлюбила его. А на это способны только смертные люди. И по законам Высшей касты тебя казнят, дабы другим неповадно было.

– Мои грехи пали на детей моих, – кричала обезумевшая женщина. – Зачем, зачем стремиться к бесконечному продлению жизни? Ведь бесконечно будут длиться не только радости, но и страдания. Бог справедливо отмерил всем по их возможностям переносить тяготы жизни, – убивалась бесконечными слезами кающаяся мать Мерцании.

И Бог смилостивился над ней.

– Отмучились, – завистливо шептались бессмертные люди, когда на погост несли мать и ее непутевую дочь.

Или наоборот: непутевую мать, сумевшую сохранить в сердце бессмертную любовь к смертному человеку. Кто как нафантазировал, глядя в Зазеркалье своей души.

ФАНТАСТИКА НА ТЕМУ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

– Что же делать? До пенсии еще восемь лет, а я вся поизносилась! Просто нечего надеть. Милый, у тебя в заначке что-нибудь завалилось? – спросила взволнованная жена.

– Какая заначка? Ты в каждую получку мне обыск с пристрастием организуешь! А на что тебе понадобились наши кровные, вроде не голодаем? – повысил голос супруг.

– Не голодаем! – огрызнулась благоверная. – И не будем еще лет десять! Слышал, до какого возраста нам теперь надрываться? А деньги мне нужны, чтобы сделать пересадку печени, одной почки, коленного сустава и заменить обе руки, а то эти до колен вытянулись, как у обезьяны болтаются!

– Ну ты, мать, даешь! В том же месяце только новые ноги вставили!

– Конечно, вспомнил. Те спички отхромали свое, почитай на них пятьдесят пять отбегала. Думала, что все – на заслуженный отдых, а теперь одна надежда на медицину будущего. Вот подлатаюсь и тогда как-нибудь дотяну до положенного нового срока! А там, глядишь, наука-то не стоит на месте, и головы начнут пересаживать! Не зря же профессор Доуэль страдал. Переставят голову работяги какому-нибудь министру. И он вместо ручки будет шпалы перекладывать или серную кислоту по чанам разливать, авось и передумает пенсию отодвигать за горизонт выживаемости населения!

А пока будем надеяться на свой мудрый организм, который понимает: если работаешь – значит, ты молодой, здоровый. И поэтому вперед и с песней: «Старость меня дома не застанет, я – в дороге, я – в пути».

В пути на любимую работу.

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ (НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА)

На опушке леса, раскинув крону, гордо возвышалось одинокое дерево. Оно с презрением и тихим ужасом смотрело на собратьев, которые росли в глубине леса, задевая друг друга зелеными веточками.

– Несчастные: ни вздохнуть, ни охнуть! – нарочито громко возмущалась лесная красавица.

– Конечно тесновато, – согласно кивали деревца, – да и света маловато.

Но зато нехолодно зимой и всегда есть с кем словечком перекинуться.

Новостей и событий здесь всегда было много: то белка проскочит, хвостиком помашет, привет дальним родственникам передаст и об их делах расскажет. То сорока-тараторка столько всего наговорит – не переслушаешь.

А грибки да ягодники пожалуют, тут вообще только успевай уши в трубочку складывать и удивляйся.

Мир, оказывается, круглый! Так сказал один из них, встретив друга в глухом овраге. Они не виделись лет тридцать. А тут случайно кинулись опята с одного пенька срезать. Потом за какие-то грехи молодости прощение у друг друга просили, друзей вспоминали и горько-горько плакали, не стесняясь нас, лесных жителей.

Люди на свежем воздухе с березками обнимаются, здоровья просят себе и деткам. Придут к нам уставшие, замотанные, а уходят полные сил и радости. Выдохнут, махнут рукой: «Ну и слава Богу, что ни делается, все к лучшему!»

Один раз в глухой чаще настоящая трагедия развернулась: замерзал турист, который лыжи сломал на крутом спуске, спички там же потерял. Мы его лапником укрыли, отогрели. А сороки очень громко тревожно стрекотали. Спасатели услышали шум и нашли спортсмена-экстремала.

Много по лесным тропкам девочек пробегало, по своей и чужой воле. Это и Красная Шапочка с пирожками, и падчерица с подснежниками в лютый мороз.

Зайчики и лисы, волки и медведи находят здесь уютные местечки для своих деточек.

Всех встретит, укроет и накормит наша дружная семья – смешанный лес. Где дружно проживают березы и сосны, калина и рябина, дополняя друг друга и защищая в жаркое лето, холодную зиму и промозглую осень.

Так и живут они до сих пор: «В тесноте, да не в обиде».

А одиноко стоящую красавицу под Новый год увезли в город Кемерово. Поставили на главную площадь, украсили яркими шарами, хлопушками, гирляндами до самой макушки. Она сначала испугалась, растерялась, замахала своими иголками-ресничками. А как мамы, папы да маленькие ребятки ее обступили, восхищаться-хвалить начали, тут сердечко гордячки растаяло. Она начала весело разноцветными огнями подмигивать, верхушкой кивать в такт музыки.

– Какое, оказывается, счастье быть в кругу друзей: весело и радостно на душе! Столько времени потеряла напрасно, – вздыхала она тихонько.

– Не напрасно, – успокоил ее Ветер Ветрович, который прилетел из родных мест. – От твоего корня целая рожица молодых сосенок к свету потянулась! И соседний лес привет передает. Он тобой очень гордится. Там все говорят: «Наша-то красавица в самой столице Кузбасса людей радует!»

И не было на свете счастливее новогодней елочки, чем эта, которая украсила родной город.

СКАЗКА О ВОЛШЕБНОЙ СИЛЕ ЛЮБВИ

Жила была пчёлка.

Летала она по зелёным лугам, по прекрасным садам и собирала удивительный нектар с разнообразно пахнущих трав.

Потом делала из него чудодейственный мёд.

Радовала им своих близких, друзей. Угощала и лечила людей, вызывая в их сердцах восхищение и благодарность.

Но однажды, весело порхая от цветка к цветку, она встретила злую колдунью, которая позавидовала её доброте и щедрости. Колдунья заколдовала пчёлку – лишила обоняния.

Звали эту ведьму – Пандемия.

Лишившись способности различать запахи, малышка стала приносить не лечебное снадобье, а сырьё из подвернувшихся растений, мхов, лишайников или вовсе из отходов жизнедеятельности животного мира.

И все, кто пробовал тот «мёд», тоже лишались обоняния и возможности различать качество продуктов. Стали употреблять в пищу всё что ни попадя.

А потом эта гадость ударяла им в голову, и они перестали различать добро и зло. Часто ссорились между собой, враждовали. Разучились ценить свою и чужую жизнь.

Всё им было вкусно, всё фиолетово.

И лозунг «Ты то, что ты ешь» – стал их сущностью, чему колдунья и её приспешники были очень рады.

Только один человек не потерял обоняния. Это была принцесса. Она придерживалась совета Омара Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало ешь, и лучше будь один, чем вместе с кем попало».

За это ведьма заточила её в башню. И всем объявила, что она сумасшедшая.

Звали девушку Вакцинация.

Но тут откуда ни возьмись наверное с обратной стороны Луны, прилетел Спутник.

Из него вышел красавец в блестящем скафандре. Это был Виктор, что значит победитель!

Он снял шлем и очень удивился неприятному запаху на всей нашей планете. А больше всего его поразило, что никто этого тошнотворного запаха не замечал.

Одна лишь несчастная затворница кричала целыми днями, что задыхается, и просила людей опомниться.

Космический гость нашёл храбрую принцессу, послушал её, поверил и полюбил всем сердцем.

А потом написал волшебное заклинание на каменной стене:

«Спутник V + Вакцинация = Жизнь».

И чары злой Пандемии рухнули: обоняние вернулось к людям, птицам и насекомым.

Удивились они, как запустили свои дома, во что превратили планету.

Все дружно взялись наводить чистоту на ней. Вернули красавице Земле её первозданный вид.

И зажили счастливо и весело.

О страшном времени напоминали лишь пословицы, изредка звучащие из уст старых людей: «Всё полезно, что в рот полезло».

А другие тут же одёргивали их со словами: «В умники попали, а из дураков не вышли» – и плевали через левое плечо.

СОДЕРЖАНИЕ

С УЛЫБКОЙ ПО ЖИЗНИ

(Юмористические рассказы)

Даже ветер листает книгу	5
Надежда умирает последней.....	6
Фемида	7
Весеннее обострение.....	9
День восьмой	11
Ваш вариант.....	15
Тест на благонадежность	16
Здравия желаю!	17
Хорошо там, где нас нет	19
Инфекция, или Сказка про белого бычка	21
Урок арифметики	22
Счастливые люди	23
Предъявите проездной.....	25
Порча	26
Плоды крупной ссоры	27
Один дома	28
Обходной.....	30
Ноу-хау	31
Неподкупные	32
Не родись красивой.....	33
Мечтать не вредно.....	35
Любовь не картошка.....	37
Закон бумеранга	39
Дюймовочка	41
Дети-йети.....	43
Артистка	44
Голубая кровь	45
Главная заповедь	46
Ау, девчонки!	48

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

(Жизненные рассказы)

Грибной сезон	51
Сказки знахарки бабы Мани	53
Любка.....	55
Дождались.....	57
Лямур.....	58
Гулянка	61
Почему-му?	63
Единственное решение.....	64
Вот такие пироги с капустой	66
Гуси-лебеди.....	69
Как я провела лето	71
Хозяин	73
Время собирать камни	75
Цыганское отродье	77
В моей смерти прошу никого не винить.....	79
Синий платочек сберечь	81
Отцовский завет.....	84
Мое драгоценное сокровище.....	87
Дачные приключения овчарки Ричи и ее спасателей	90
Герой нашего времени	93

БЕССМЕРТНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

(Фантастические рассказы)

Утренняя песня.....	97
Тайны графини Кузбасской.....	99
Полет шмеля.....	101
Бессмертные тоже плачут	103
Фантастика на тему повышения пенсионного возраста ...	105
Лесная быль (Новогодняя сказка).....	106
Сказка о великой силе любви.....	108

Литературно-художественное издание

Дубровская Надежда Анатольевна

ЗДРАВИА ЖЕЛАЮ!

Редактор ***Е. В. Фефелова***
Корректор ***Н. В. Стрелкина***
Компьютерная верстка – ***П. Б. Исаков***
Дизайн обложки – ***Л. А. Астанкова***

Подписано в печать 04.02.2022. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 500 экз. Заказ № 273

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвуиздат»:
650993, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, 36-12-14. E-mail: 58293469@mail.ru